

Лиана Цоир

ОДИНОЧЕСТВО, ОСТРОВ

Рассказы

Чикаго 2017

Лина Цоир

ОДИНОЧЕСТВО, ОСТРОВ

Рассказы

Корректор – Людмила Корикова.

Оформление и дизайн – Анастасия Огнева.

ISBN:

Copyright © 2017 by Lina Tsoir.

All rights reserved.

Данное издание охраняется авторским правом США. Переиздание, воспроизведение с помощью электронных средств или любым иным способом всей книги или ее части допускается только с письменного разрешения обладателей авторских прав.

No part of this book may be used or reproduced in any manner whatsoever without written permission except in the case of brief quotations embodied in a critical articles and reviews.

Содержание

Запоздалый процесс самопознания	5
Лебяжья канавка	11
Интервью	17
За большие достижения	21
Простые синие люди	25
Несправедливое распределение	31
Мида кенегед мида	37
Астрологический прогноз	43
Прошлым летом в Мариенбаде	51
Испанское каприччио	55
Тоскуя по Киото	61
Сад закрыт на просушку	65
Узлы луны	71
Чудный май, желанный май	77
Хранитель классного журнала	83
Теория гуманизма	91
Поездка в Нешвилл	97
Ваби-саби	101
Заботы одного дня	107
Аспекты прошедшего времени	111
Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота	115
Одиночество, остров	121
Зеленая трава другой жизни	125
Эпизод	131

ЗАПОЗДАЛЬНЫЙ ПРОЦЕСС САМОПОЗНАНИЯ

Едва дождавшись конца лекции, профессор закрылся в своей дальней аудитории: надо было обдумать сложившуюся ситуацию. «Ах, как неприятно, – думал он, – это же надо было такому случиться! Он всегда был так осторожен, комар носа не подточит, а тут...». Романы со студентками у профессора случались и раньше: Синеглазка сменила Мадонну, Принцесса Королеву. «Нет, кажется, все-таки, Мадонна была раньше, чем... господи, да какая теперь разница! – перебил он сам себя, – главное, надо думать, как выпутываться. И ладно бы застал их кто-то другой, а не эта дылда Николаева! Теперь она, конечно, захочет взять реванш за все эти годы полного к ней невнимания с его стороны. Разве он виноват, что ему нравятся красивые женщины. Да и потом роман с коллегой... Тем более с этой мымрой Николаевой. В субботу намечается институтская вечеринка. Вот там он и подъедет к ней и сразу все поймет по ее настроению: она уже наступала или только собирается».

«Эта дылда» Николаева сидела за столом в кабинете у себя дома. На душе было беспокойно. Она сняла очки и двумя пальцами потерла переносицу. «Да, этот глупое столкновение сегодня, – вспомнила она, – ах, Василий Андреевич, ну сколько можно. Все эти романы. И возраст ему не помеха». Очень давно, когда они только окончили институт, ей было так одиноко, что она даже набивалась к нему в друзья. Нет, не к нему, конечно, а к ним. К его жене, прежде всего. Ей понравился умный взгляд его жены, приветливый характер. Даже в гости их обоих пригласила. Но как-то не заладилось. Не умеет она: неуклюжая, нелюдимая. Да и он понял это по-своему. Ах, Василий Андреевич, не про меня ваши красивые глаза. Да и зачем мужчине такие красивые глаза? Разве что пленять молоденьких иногородних студенток. И, несмотря на запрет о малейшем воспоминании о своем «кривоногом кавказце», сегодня оно застало ее врасплох.

Он подошел к ней после второго экзамена. Она, как всегда, стояла в сторонке, ни с кем из абитуриентов не сближаясь, дол-

говязая девочка в очках. Он был ей по плечо или даже ниже. На ломаном русском языке он попросил ее о помощи: позаниматься с ним. Через две недели ему сдавать русский, а он... Ты же сама видишь, слышишь.

Он стал приходить к ней в тесную комнату в коммуналке, где она после смерти матери жила совсем одна. «Ну вот, – говорили соседки, – тихая-тихая, а водит к себе этого мальчишку, кривого кавказца. В тихом омуте...». Очень скоро она поняла, что сдать экзамен по русскому языку ему не под силу, но старалась как могла, рвения не снижая. Так и случилось. Через две недели он рыдал, уткнувшись в ее острые коленки и, поднимая лицо, вопрошал горестно: «Как тепер буду посмотрет в глаза моей мам?». Сердце ее разрывалось, и она была готова отдать ему свою зачетку с поступлением и весь этот Горный институт с факультетом цветных металлов впридачу, куда он так страстно рвался.

«Не вспоминать», — приказала она себе, встала, вышла на кухню. Вскипятила чай и с чашкой вернулась на прежнее место за письменным столом. Свет включать не хотелось. Горела одна настольная лампа. Она подергала пакетик с чаем за тонкую ниточку вверх-вниз, вверх-вниз, и вода окрасилась в чайный цвет.

Расстаться они уже не могли и в его родной город заявили вместе. Первый раз в своей жизни Николаева из хмурой девочки превратилась в улыбчивую и приветливую. Презирая себя, она играла непосильную роль: ей так хотелось понравиться его матери, суровой и молчаливой Ануш. Увидев висевшую на стене гитару, девочка провела рукой по струнам: «Я тоже умею». «Нельзя, не трон, – произнесла Ануш строго, – на ней мертвый мам играл. Памят». И Николаева вспомнила: он говорил, что его покойная бабушка, мамина мама, хорошо играла на гитаре.

Утром Ануш накрыла завтрак во дворе под чинарой. Скорее всего, дерево называлось как-то по-другому, но Николаева мысленно назвала его чинарой. А к завтраку пришли три соседки – волоокие, белозубые девушки с темно-синими косами, примерно ее возраста. Он был совсем другой с ними. Улыбаясь, рассказывал что-то спокойно и негромко на своем языке. И начисто исчез тот косноязычный абитуриент, который назначал ей встречу у Нарвских ворот: «Тут одын ножка, тут другой ножка, посредине я буду стоят». Он, видно, говорил что-то веселое, две девушки смеялись, а третья, Сирануш, печальная сидела. Сирануш – лю-

бовь. Бабочки кружились над столом. И низко пролетела ласточка, покосившись зорким зрачком на чужестранку, задела крылом ее волосы. И великий страх поселился в ней. Увидела она, как девушки эти оплетают синими косами, увлекают в хоровод и кружат, кружат, уводя далеко-далеко ее Сержика.

Ночью, когда наступила в доме тишина, даже вездесущая Ануш закрылась в своей спальне, вытащила она кеды, натянула шорты, убрала волосы под круглую гребенку и зашагала прочь, навсегда покинув этот виноградный рай. Она шла по ночной дороге, и из машин, обгонявших ее, высовывались и что-то кричали местные мужчины. Она шагала и от страха и горя громко декламировала стихи:

Ты, что бабочкой черной и белой,
Не по-нашему дико и смело
И в мое залетела жилье,
Не по-нашему дико и смело
Горше горького сердце мое.

Стало как-то прохладно в комнате. Николаева встала и переместилась на диван. Поджала под себя длинные ноги, накрывала их лежащим на диване теплым халатом. Зажигать свет не хотелось.

Она вернулась в свой родной холодный и промозглый, но такой любимый город. В сентябре начались занятия в институте. Она жила только учебой и еще стихами. Стихами проживала все времена года. Ждала месяца мая. «Вот и лето прошло, словно и не бывало», «Что-то много ты требуешь, осень», «Теперь зима. Сугробов торжество». Она ходила в заячьей ушанке. Молния на старой курточке застегивалась с трудом. И наконец-то, наконец:

Выпала оконная замазка,
Не пора ли окна открывать.
Вновь запрятать лыжи и салазки
И другое горе горевать.

Ее дочь родилась в мае. «Лунной ночью, ночью мая...». Крохотная черноволосая красавица Ануш. Деятнадцати лет высокую, красивую девушку заметил бельгийский дипломат. Много лет они прожили здесь, рядом, и вот недавно увез он дочь и вну-

ков в Бельгию. И Николаева осталась совсем одна. Наверное, поэтому позволила она себе вспомнить своего «кавказца». Жалела ли она, что он так ни о чем и не узнал? Нет, не жалела. Но вот прилететь бы бабочкой туда, в этот виноградный рай, хоть краем глаза углядеть его один обычный день.

У профессора созрел хитроумный план: они с Принцессой явятся на этот вечер с большим временным разрывом. Он придет первым и попробует подъехать к этой мымре Николаевой. А Принцессе надлежит явиться много позже и, так и быть, в сопровождении какого-нибудь студента. На вечер он пришел чуть ли не первым: вся эта неопределенность была уже нестерпима. Николаева беседовала с другой преподавательницей, и он, глядя на нее, занял наблюдательный пункт у окна. На подоконнике устроилась совсем юная студентка, и он заговорил с ней.

– Как вы грациозно сидите! Вот и я бы хотел так. Да нельзя. Ноблез облич.

Девушка тут же спрыгнула с подоконника и, покраснев, предложила: «Хотите я принесу вам стул».

– Мне? Стул? – изумился профессор, – это я должен принести даме стул.

– Но это я, – еще больше покраснев, проямлила студентка, – из уважения к возрасту и...

– К возрасту? – криво усмехнулся профессор, – сколько же, вы думаете, мне лет?

Студентка совсем засмушалась. Она сдвинула брови, прикидывая:

– Ну, моему дедушке шестьдесят, – и тут же добавила испуганно, – но вы, конечно, моложе.

– Шестьдесят!

Он отошел от девушки и проговорил вслух: «Вот дура. Чертова кукла. Что за молодежь нынче пошла. Шестьдесят! А сама на меня даже не посмотрела». Тут он заметил, что студент, с которым на вечер пришла его Принцесса, обхватил ее за талию, рассказывает что-то, и она хохочет, глядя на него. «Э-э, мы так не договаривались!» – чуть было не закричал профессор. В противоположном конце зала Николаева сидела теперь одна, и он быстро направился туда, пока кто-нибудь не занял ее разговором.

– Как вы сегодня чудесно выглядите, – начал он льстиво, – а сидите здесь одна, такая загадочная и молчаливая.

Николаева усмехнулась:

– Василий Андреевич, мы знакомы с вами вечность, разве я когда-нибудь была особенно болтлива?

Профессор даже вспотел.

– Нет, конечно, ну что вы!

– Раз я все эти годы не была болтлива, значит, и впредь не буду, – она выразительно на него посмотрела, – извините, я вас покину ненадолго.

Профессор плюхнулся в кресло. Было невыносимо жарко. «Она все знала», – негромко произнес он. Он оглядел зал: юная студентка грациозно сидела на подоконнике. Около нее уже вертелся какой-то сопляк. Принцесса весело болтала со студентом. Он покрутил головой и ослабил узел галстука. «Все в порядке», – произнес он. Но почему-то ни радости, ни облегчения не почувствовал. «На что эта дылда намекала? Выходит, она знала про все романы... И молчала. Все эти годы не мстила и мстить не собирается. А вдруг он ошибался, и все эти годы она жила своей жизнью, совершенно безразличная к нему? А он вообразил это, да и многое другое. Неужели?».

ЛЕБЯЖЬЯ КАНАВКА

Когда мать объявила, что на летние каникулы к ним приедет погостить Верина дочь Анечка из Канады, он был немного раздосадован и заметил, что у взрослого человека, студента третьего курса, могут быть и свои планы. Мамина еще школьных времен подруга Вера давным-давно жила в Канаде, там вышла замуж, там родилась ее дочь, его ровесница. Мать хотела, чтобы он «проявил гостеприимство»: показал ей город, занимал разговорами. Ну, да ладно, девчонка из Канады. Любопытно.

После этого сообщения время пролетело как-то быстро, и вот он уже наблюдал из своего окна на шестом этаже, как подъехала такси и вышла мать, а следом за ней легко выпрыгнула темноволосая девочка с косой, в шортах, на ногах – высокие шнурованные ботинки. На бедрах повязана клетчатая фланелевая рубаша. Она подхватила легкий рюкзачок, и они обе исчезли в подъезде.

Энни, – как она представилась, – довольно хорошо говорила по-русски, однако в ее произношении была какая-то обаятельная неправильность, которую он не сразу определил. Позже, когда они часами болтались по летнему городу, она сама на нее указала. «Почему в русском языке вы пишете “что и конечно” а произносите “што и конешно”. Но пишете “почему” и так же произносите. Почему?». И из этого многократного повторения он понял, что все звуки “ч” она произносит как “ш”. Так что у нее получается “пошему”.

Он хорошо знал город и все-таки, чтобы не ударить лицом в грязь перед Анечкой, как ее называла мать, каждый вечер незаметно что-то подчитывал об архитектуре: не перепутать бы зодчего Росси с Кваренги. Город ей так нравился, что, несмотря на усталость, которая наступала довольно быстро, готова была бродить по нему часами. Ее приводил в восторг шпиль Адмиралтейства, станции метро, непередаваемый салатно-голубой, “гениальный” цвет здания Эрмитажа. Дома за обедом она восхищалась винегретом: какая палитра! Какое воображение надо

иметь, чтобы так соединить несоединимое! Мать, довольная тем, что может угодить гостье, такой хрупкой, готовила ей винегрет чуть не каждый день.

Они говорили подолгу и обо всем. «А вот скажи, – как-то спросил он, – вы, канадцы, духовная нация?». «Что ты положил в это понятие – духовность?». «Ну, тут много составляющих: любовь к чтению, восприимчивость к искусству, все то, что питает душу. Мы, например, по каким-то данным, самая читающая нация в мире». Она задумалась. От Летнего сада они неспешно шли к Лебяжьей канавке. Через пару дней она уже уезжала, и это место – Лебяжью канавку, одно из самых его любимых в городе, он оставил напоследок. «Я думаю, – медленно проговорила она, – что духовность это другое. В духовности главное – какое-то преодоление. Духа, например, над косностью. Чтение, искусство – это в конце концов удовольствие. Потребление. Пусть даже и для души. Но потребление. А мера духовности нации может быть только одна – как данная нация относится к своим сирым и убогим: старикам, инвалидам, больным. Здесь мы, канадцы, увы, не на первом месте. Я думаю, по-настоящему духовной нацией можно считать американцев». «Они просто богатая нация», – не согласился он. «В том-то и дело, что богатые могут тратить деньги на другое, а эти тратят вот и на таких. В этом духовность. Люди наработали много стереотипов, а надо думать самому. Сопоставлять. Тогда наступает ясность. Я думаю, умение принимать неудобные для себя факты – тоже проявление духовности». Он не был с ней согласен, но не знал, что возразить. Она теперь шла по высокому каменному выступу, расставив руки в стороны, и внезапно закричала «Падаю!». Он едва успел подставить руки и поймал ее, больно ударившись носом об ее лоб. Он ощупывал свой нос – не сломал ли – и услышал насмешливое: «Тебе бы пошло сниматься в романтических фильмах».

Они уже подходили к Лебяжьей канавке. «Почему же лебязья? Ты уверен? Ведь озеро лебединое. И песня лебединая. Почему?». Действительно: лебязья, лебединая. Почему? Он столько ей рассказывал, но она никогда не говорила ему, что он много знает, никогда не хвалила. Без признаков благодарности. И вот теперь он что-то не знал... К тому же все еще болел нос. И он передразнил ее грубовато: «Пошему, пошему! Знашит, так правильно!».

«Ты сердишься, – заметила она, почти равнодушно, – потому что хочешь спать со мной». «Что-оо? – вскричал он, – Кто? Я? С

тобой? Ты с ума сошла!». Он схватился за голову и простонал: «С кем связался, с кем связался...». Она стояла у самой кромки воды и обернувшись к нему, улыбнулась:

Я знаю снова не получится
Из нашей встречи нишего

- Это что, стихи? – спросил он уже более миролюбиво, – чьи?
- Одного поэта, вернее, поэтессы. Она больше не с нами.
- Померла, что ли?
- Говорю тебе: больше не с нами.

Он решил с ней не ссориться, тем более, что она скоро уезжала. Он даже сказал ей, что обязательно приедет в Канаду на зимние каникулы. «Никогда не был в Канаде», – заметил он небрежно. И был задет, когда не увидел горячего энтузиазма с ее стороны.

И вот, как две недели назад, он опять стоит у окна и смотрит, как мать и Энни садятся в такси. Он не поедет провожать. Зачем? У нее один рюкзак: грубая мужская сила не требуется. Она гостила всего две недели, но он смутно чувствовал, что за это время нечто новое настойчиво поселилось в нем.

В Канаду он начал собираться сразу после ее отъезда: наводил справки, собирал информацию. Матери ничего об этом не говорил. Но ближе к каникулам, в ноябре решил все-таки о поездке объявить. Они ужинали вместе, и за столом он сказал ей об этом. Мать не успела отреагировать, как зазвонил телефон. «Кстати, о поездке, – сказала она как-то растерянno, – это Вера» и пошла из кухни, придерживая рукой трубку. И тут же он услышал: «Господи! Вера, когда?!»

Через несколько минут он, оглушенный новостью, плохо соображая, шарил в ящике в поисках “чего-то от головы”, мочил полотенце в холодной воде, прикладывавал матери на лоб.

- Мама, ты знала?
- Да, конечно, все знали. И Энни тоже. Там от пациентов ничего не скрывают. У Энни была редкая болезнь. Но она так хотела увидеть Петербург! Врач определил один год и не ошибся.
- Почему ты мне не сказала?
- Вера просила не говорить. Хотела, чтобы ты отнесся к ней как к обычной девушке.

Почти всю ночь он просидел около матери. Под утро ушел к себе. Коротко засыпал и внезапно, как от кошмара, садился на кровати. Едва рассвело он поехал туда. Стоял холодный ноябрь, и Лебяжья канавка теперь выглядела по-другому. Он стоял долго. Было очень холодно. Совсем одеревенели пальцы. Но он все стоял, пока из молочного марева не появился силуэт девушки с улыбкой, обращенной к нему:

Я знаю, снова не получится
Из нашей встречи ничего.

ИНТЕРВЬЮ

Уже в который раз позвонил оператор и спросил все ли готово. Собственно он не знал, как называется должность этого человека, который для телевидения будет снимать интервью прямо у него дома, но мысленно называл его оператором. Он ответил утвердительно, хотя понятия не имел, что это значит – быть готовым к интервью. В его жизни это было впервые. Оператор весело объявил, что он уже загружает аппаратуру, и они с журналистом – классным парнем, – как он его аттестовал, будут у него дома через пару часов. Окончив разговор, он глянул на себя в зеркало: костюм, галстук, светлая рубашка. Молодой ученый. Тридцать пять лет. Генетик. «Широко известный в узких кругах», как где-то написал любимый писатель. Но в глубине души он гордился своим положением. Он стал генетиком, хотя первоначально видел себя исключительно математиком. Стал генетиком вопреки. Победил. Жаль, что нет рядом того человека, вопреки предсказаниям которого, он сам изменил свою судьбу, ведь у них с Валерией все было решено: они после школы поступают на механико-математический. После учебы, – строила планы Валерия, – устраиваются: работа, квартира, потом свадьба. Дети, – добавляла Валерия, – только после «грандиозных успехов» в науке, годам к тридцати пяти. Он не возражал. И никогда бы не поверил, что мимолетный разговор с незнакомым студентом на дне рождения у Валерии, которой исполнялось в этот день семнадцать, так повлияет на его дальнейшую жизнь. Немного выпив, он вышел на балкон проветриться. Там курил один из гостей, студент второго курса, как потом выяснилось. Завязалась беседа. Студент задал ему вопрос: знает ли он, куда будет поступать. «Да, конечно, – охотно поделился он своими планами, – я уже все решил». «Ты уверен, что это ты решил?» – вдруг, глядя на него с неопределенной улыбкой, изрек студент. «То есть?», – удивился он. По теории незнакомца, оказывалось, что в жизни человека уже все предопределено, каждому начертана его программа, и мы просто посознательно повинуюсь, следуем ей, принимая это

за наш собственный выбор. Но это иллюзия. «Там, — он поднял палец и посмотрел на небо не совсем трезвым взглядом — есть общая задача, в связи с чем каждому из нас предначертана своя миссия в этом деле... Да ты не переживай, — вдруг прервал сам себя его непрошенный сэнсэй, — задача там благородная. И в конце концов мы все ее выполним. Все человечество. Сообща. Нет, ты, конечно, можешь немного подергаться в пределах своих границ, но генеральной линии своей судьбы не поменяешь все равно. Не переживай!», — он щелчком послал в воздух недокуренную сигарету. «А я и не переживаю, — быстро нашелся он, — я знаю, что выбор сделан мной. И больше никем!». «Ну-ну», — и студент, не попрощавшись, толкнул балконную дверь.

Он долго размышлял над этими словами, склоняясь к тому, что все-таки этого не может быть. Не было в этом никакой логики, но в то же время... А вдруг это так? И он лишь пешка в этом мироздании? Он просыпался ночью и долго смотрел на звездное небо. Нет, он свободный человек и волен выбирать и менять свою судьбу по своему усмотрению. Не может он верить в такую ерунду! Он материалист. И в то же время в нем поселилось что-то вроде страха: я так не хочу! Остановите землю! Я сойду.

В конце года, к изумлению родителей, он поехал поступать в столичный институт, выбрав совсем другой факультет. Перед отъездом он вызвал Валерию и в невнятной форме объявил, что они должны расстаться. Да, да, навсегда.

Пока он все это вспоминал, прошло еще полчаса. Он вышел в кухню. «А не сделать ли себе чашку кофе. Еще ведь долго ждать». Он жил один, поэтому освоил некоторые навыки готовки. Иногда родители присылали посылки с домашними гостинцами. В такие дни он ощущал, насколько далеко он отошел от семьи, своего города, друзей, привычек. Родителям он запретил даже упоминать о Валерии и ничего о ней не знал. Он сам распоряжался своей судьбой. Но много лет его тревожил один и тот же повторяющийся сон. Он видел берег моря, совсем такой, как в его родном городе. С закатанными по колено брюками он стоит на берегу, а вдалеке идет женщина в широкополой шляпе. Ветер. Женщина придерживает одной рукой шляпу, а другой безнадежно пытается расправить льнувший к коленям сарафан. Он стоит на берегу, широко расставив руки...

Опять зазвонил телефон. Оператор на этот раз объявил, что возникла загвоздка, но они все же попытаются быть вовремя. Сколько же можно ждать? Ему хотелось поскорее покончить с

этим делом. Он сел в кресло, поставил рядом чашку кофе, стал просматривать вопросы, которые ему зададут на интервью. С утра у него было чувство, что этот день несет в себе что-то большее. Чувство это нарастало. Его охватило волнение.

И тут опять зазвонил телефон. На этот раз оператор звонил уже из машины и сообщил, что они совсем близко. «Понимаешь, в последний момент нам заменили журналиста на... – он засмеялся, и голос его стал бархатным, – на журналистку. Она рядом. Поговори». Он пытался возразить, но уже слышал женский голос: «Мы скоро будем. Вы готовы? Меня зовут Валерия». И звук исчез. Он подошел к столу и с минуту бессмысленно смотрел на телефон.

...он стоит широко расставив руки, глядя на идущую вдалеке женщину в широкополой шляпе. А уже совсем близко, взбивая пену босыми ногами, что-то крича и обгоняя друг друга, бегут к нему два мальчугана...

Он не сразу услышал. В дверь уже настойчиво стучали.

ЗА БОЛЬШИЕ ДОСТИЖЕНИЯ

На банкет к брату она смогла приехать только на два дня: слишком поздно он сообщил об этом. По телефону брат говорил, что трудно было все согласовать: вручение самой премии в один день, а банкет в другой. Полный хаос. Сверх всего, приехали родственники жены, заняли всю квартиру. «Ты как свой человек, может, остановишься в гостинице, а?». Она напомнила, что в свой прошлый приезд она тоже останавливалась в гостинице. И пошутила:

— Может, на этот раз родственники жены побудут «своими людьми» и поживут в отеле.

— Не баба-ёжничай! — строго попросил брат, используя их любимое детское слово.

И она растаяла.

Банкет был обставлен роскошно. Народу много. Она почти никого не знала. Стол изобильный, с большим вкусом сервирован, официанты в белых перчатках. Начались тосты, речи. Брата поздравляли, пили за большие достижения, огромный вклад в науку. За столом председательствовала жена брата: записывала желающих выступить, следила за порядком, а она смотрела на раскрасневшееся, довольное лицо брата, и ей вспомнился другой, давний его триумф.

Каждый год на елку они были приглашены к Орловым, друзьям их родителей. Но этот год был особенный: и брат и сын тети Кати Орловой пошли в первый класс. Тетя Катя объявила конкурс на лучшее выступление среди «больших» — первоклассников. Приз был необыкновенно привлекательным для всех — огромная, — не удержать в руках, — книга о животных. Она бы тоже хотела такую, но ей только пять, и в конкурсе она не участвует. Целых три месяца мама репетировала с братом стих Лермонтова «Терек». Запомнил его брат легко, но вот одна строчка ему никак не давалась. Сама же она знала стих наизусть и шепотом повторяла его вслед за братом.

Жюри было строгое – учительница русского языка из другой школы и брат тети Кати – настоящий артист, высокий блондин, много лет игравший Отелло в клубе железнодорожников. Она вместе с гостями глядела туда, где была елка, и от волнения комкала волан своего нарядного платья. Стоя на сцене, – двух составленных вместе стульях, – брат, простирая вперед руку, как задумала мама, почти кричал:

Расступись, уставясь в море,
Дай приют моей волне!

Услышав эти строчки, она круто повернулась, выбежала из комнаты и забилась в угол под вешалкой. Невозможно было дышать! Опять это «уставясь»! Сколько раз мама поправляла: «Расступись, о, старец-море! Надо: О, старец, а не уставясь».

Под вешалкой всю в слезах ее нашел отец. «Иди же скорей, глупая. Твой брат получил первый приз!». Слезы мгновенно высохли. Как она была счастлива!

Дома брат разложил книгу на диване, осторожно листая, но сестру к книге не подпускал. «Смотрите вместе, – приказал отец, – дай и сестренке посмотреть. Она заслужила». «А ей за какие-такие заслуги?» – вмешалась мама. «За умение сострадать и радоваться чужому успеху. За человеческие заслуги», – заступился отец. «У-тю-тю, какие мы!» – смеялась мама. Книга поступала в ее полное владение только вечерами, когда брат уходил в математический кружок.

Банкет закончился поздно. Очередь до ее тоста так и не дошла. В вестибюле ресторана гости долго прощались, обнимались, фотографировались. Наконец и она смогла протиснуться к брату:

– Поздравляю! Как жаль, что родители не дожили до этого дня. Как бы они за тебя порадовались. Что же ты не упомянул их в своей речи?

– Ну, понимаешь, – объяснял брат, стаскивая с шеи шарф и пряча его в карман пальто. Она улабнулась этому с детства знакомому жесту: брат ненавидел шарфы, утверждая, что они «кусаются и впиваются».

– Понимаешь, речь писала моя жена, а старики ведь с ней не очень...

«Это она со стариками не очень. А старики-то старались вовсю,» – подумала она, но ничего не сказала. Брат обещал позво-

нить завтра с самого утра, чтобы провести вместе весь день. В этот момент его жена, оторвавшись от очередного гостя, повернулась к ним:

– Это кто тут секретничает? – она пытливо осмотрела их обоих, вынимая шарф у брата из кармана и повязывая ему на шею, – Мы разберемся. Найдем время, чтобы всем встретиться.

К встрече с братом она стала готовиться с самого утра. Вытащила из сумки и придирчиво осмотрела подарки: не помялась ли упаковка. В номере оказался уют. Она погладила блузку и аккуратно разложила ее на кровати. Затем оделась и вышла в город. Отыскала кондитерскую и купила любимые пирожные для брата. Когда вернулась в гостиницу, было два часа дня. Звонка не было. Она достала книгу и села читать. В пять часов позвонила сама. Телефон молчал. В восемь она спустилась в кафе рядом с гостиницей и перекусила.

В девять убрала в сумку разложенную на кровати блузку. В половине одиннадцатого пошла в душ. И тут зазвонил телефон. Она выскочила из душа, успев прихватить полотенце. Звонил брат, и голос его звучал радостно, даже чуточку хвастливо, как у школьника, которому удалось надуть взрослых:

– Я сказал, что забыл что-то в машине, вот и вырвался. Как ты? Твой самолет завтра в семь утра? Прости, что...

– Может, ты прилетишь как-нибудь к нам, – перебила она, – один.

– Да, как-нибудь. Конечно, – он помолчал с минуту, – ты знаешь, я сегодня вспомнил елку у Орловых, книгу, мой приз...

– Правда? Я тоже... маму, тетю Катю. Уже поздно. Поздравляю. Иди.

Обернувшись полотенцем, она подошла к окну. Был поздний час. В городе зажглись большие круглые фонари. Но, – подумалось ей – «не поправить дня усилиями светилен».

Ярко горят фонари, и, если немного сощурить глаза, то слезы не проливаются, а фонари превращаются в длинные лучистые вертикали.

ПРОСТЫЕ СИНИЕ ЛЮДИ

Удобно расположившись к кресле, он наблюдал за тем, как она точно выверенными движениями наносит на лицо косметику. Она то склонялась к своим рукам, то, что-то там захватив, с поднятыми бровями подавалась вперед, к зеркалу.

– Ты так внимательно за мной наблюдаешь...

– Твои движения просто завораживают.

– Не понимаю, как ты мог не жениться. Хотя бы один раз. Имел бы удовольствие наблюдать каждый день. Помнится, в школе ты многим девицам нравился. А уж учителя, по-моему, в тебе души не чаяли. Как же так могло случиться...

– Вспомнила! Уже тридцать с хвостиком, как мы окончили школу. Трудно поверить. Кстати, о женитьбе. Твой муж пойдет с нами? У него, кажется, свое мнение на этот счет.

– Спроси у него. Он у себя наверху. Я думаю, что не пойдет. Он не любит эти нью-йоркско-русские сборища. Теперь, кажется, это называется тусовки. Я бы тоже не пошла. Иду ради тебя, тебе как московскому гостю это будет любопытно.

– Ценю твою самоотверженность. И гостеприимство. А писатель-то, который будет читать свое произведение, талантливый?

– На мой взгляд, бездарный. Но самомнение... впрочем, может, я ошибаюсь: многим он по вкусу, а старушки его просто обожают.

– А ты сама почему бросила писать стихи? У тебя-то очень хорошо получалось. Помню, в Москве тебя даже кто-то из маститых хвалил.

– Я считаю, что талант должен быть безусловным. Или он есть, или нет. А все эти потуги... Тешить свое тщеславие? К чему? Я очень строго к этому отношусь. Если нет большого таланта, иди в бухгалтеры, словом, займись делом.

– Да, ты строга. Но, позвольте, мадам, с вами не согласиться. Ничего нет на свете лучше творчества, вдохновения. А результат... Что ж, пусть судят потом, но сам процесс прекрасен, по-моему. Знаешь, ведь еще может и так случиться, как сказал

какой-то великий, не помню, кто: я ничего не сделал, ибо всегда стремился сделать больше обыкновенного. А, помнишь, когда мы проходили «Войну и мир», все хором решили, что ты похожа на Наташу Ростову?

– Еще бы! Достали меня с этим сходством. Даже бабули на скамейках у подъезда, и те туда же, хотя и романа-то, наверно, не читали. А, кстати, они все так и сидят? Или при капитализме они нашли более достойные занятия?

– Послушай, а мы не опоздаем?

– Нет, это же не в оперу. Так, домашнее чтение. И я уже готова. Теперь ухаживай за мной: распахивай передо мной двери, забрасывай цветами, что там еще...

– Согласен.

Дом, в котором должно было проходить чтение, был огромен. В большом зале красивая мебель, картины, цветы. Несколько составленных вместе столов образовывали ромб, в середине которого было подобие фонтана с шампанским, а по периметру – разнообразные закуски, тоже не без фантазии сервированные. Толпа нарядная, оживленная. В ожидании начала все собрались в группы по двое-трое. Он улавливал обрывки русской и английской речи и с интересом все разглядывал.

– А где сам писатель?

– Наверное, уже здесь. Вон, видишь, его жена с бокалом в руке у стола.

Писатель был уже, действительно, здесь. Но он любил перед выступлением побыть один, сосредоточиться. Поскольку дом ему был незнаком, – зачастую вечера устраивались в разных домах, – он отправился на поиски пустой комнаты, пока его не успели задержать разговорами. Дом был огромный, комнат в доме было предостаточно, и он без труда нашел пустую. Правда, там почему-то работал телевизор. Подойдя ближе, он понял причину. На диване, укрытая толстым пледом так, что торчала только ее светлая макушка, сидела маленькая девочка и смотрела свой мультик. Когда писатель вошел, она даже не прореагировала. «Вот и хорошо, – подумал он, – может быть, общение с чистой детской душой перед выступлением гораздо плодотворнее, чем одиночество». Он полагал, что общаться с любым ребенком ему легко и приятно в силу родственности их душ. Хотя никакая объективная реальность этого не подтверждала. Его собственная дочь как-то быстро выросла, главным образом, как ему ка-

залось, в машине, пока он молча возил ее из школы на балет, с балета на плавание. Теперь она жила далеко, в другом штате.

Он осторожно присел на краешек дивана. Девочка не шевельнулась. Он не был уверен, говорит ли она по-русски и решил бросить пробный камешек. Он спросил ее имя. Девочка, все так же не отрываясь от экрана, сообщила ему свое имя, адрес, возраст и добавила, что она еще не решила, кем будет, когда вырастет. Тогда он спросил о сестренках-братишках. Девочка ответила. Он еще мог спросить о делах в школе, но, учитывая ее юный возраст, это было не актуально. Он не знал, что еще сказать. Он иссяк. Но девочка этого не знала и осторожно заметила, что она вообще-то не любит говорить с дядями. Исключения составляли папа и Дед Мороз. Это была полная отставка. Он испытывал страшную неловкость и почему-то обиду. Теперь ему хотелось, чтобы кто-нибудь увидел его здесь и пожурил ласково: нет, вы только посмотрите на него! Ему выступать, его все ждут, а он... Ну прямо ребенок! Большой ребенок! И после этого увели бы его отсюда. Но его никто не звал. А встать и уйти он почему-то не решался. Не зная, что предпринять, он стал смотреть мультфильм вместе с девочкой. Но совершенно не мог понять, что там происходит. Вместо привычных кошек и собак, зайцев и волков – добра и зла – на экране действовали какие-то плоские синие люди, и было непонятно носителями какой нравственной категории они являются. Настроение у писателя было какое-то странное, он не мог понять в чем дело. Начисто исчезла такая обычная перед выступлением приподнятость, которую он очень любил в себе. Исчезло ожидание праздника. Тут, к великой своей радости, он услышал голос хозяйки дома, объявляющей начало. Он занял свое место за столиком. Публика уже сидела в ожидании.

Читая, он, по своему обыкновению, поглядывал в зал. Он опять увидел эту черноглазую даму, которая была в прошлый раз. Имея тонкое писательское зрение, – как он сам полагал, – он находил в ней сходство с толстовской героиней и мысленно называл ее Наташей Ростово́й. И ироничное выражение ее лица, как и в прошлый раз, задело его. Она склонилась к своему спутнику и что-то насмешливо ему шептала. Писатель читал, и непонятное раздражение его росло. И даже старушки – его золотой фонд – казались сегодня менее восторженными. «Тоже мне судья, – читая машинально, думал он, – знала бы ты, что такое творчество, какие это муки! Ты, наверняка, не написавшая в своей жизни ни одной строчки, кроме глупых писем какой-нибудь

глупой подруге. Вольно же тебе зубоскалить. Имя таким, как ты, – толпа!»». Все это он мысленно адресовал этой даме – Наташе Ростовой. Продолжая чтение, он теперь даже не желал взглянуть в ее сторону. Кстати, в прошлый раз она была с другим кавалером. Все ясно с этой эн Ростовой!

После выступления, как всегда, его окружили, задавали вопросы, но у него исчез былой энтузиазм, а главное – уверенность. Отвечал он вяло и все смотрел по сторонам и вдруг далеко, у самых дверей, заметил ту девочку, ту, с которой смотрел мультик до своего выступления. Не зная сам зачем, он, неучтиво бросив окружавших его поклонниц, стал проталкиваться к выходу, не спуская глаз с девочки. Она в это время, отдав папе шарфик и куклу, пыталась надеть курточку и все не попадала в рукав. Наконец у нее получилось, и она – фокус-покус – вытащила из рукава еще и шапочку. В этот момент писатель протиснулся сквозь толпу и присел перед ней на корточки.

– Скажи, – начал он, почему-то очень волнуясь, – скажи, вот эти люди в мультике, они хорошие или плохие?

Девочка все еще была занята своими вещичками: шапку она уронила, теперь запуталась в шарфике. Он быстро поднял шапку и подал ей.

– Эти люди, ну, в мультике, они... какие?

Девочка наконец подняла на него глаза, будто только что заметив. Она втянула голову в плечи и развела руками:

– Просто синие люди.

НЕСПРАВЕДЛИВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Уже почти полгода прошло после свадьбы, после того, как все его вещи переехали на новую квартиру, к жене. А он все забегал к родителям то за фотографией, то за книгой, то просто поговорить. Но не только: каждый раз он надеялся встретить соседку, сказать ей какие-то добрые слова, что ли. Он не видел ее, ну... после Марины. И неясное чувство вины перед ней мучило его.

Стояла душливая жара, какая не часто бывает в их северном городе. Родители были на даче. Он открыл дверь своим ключом. В квартире было совсем тихо, хотя соседка была дома: в прихожей на столике стояла ее допотопная сумка. Он налил себе стакан воды, положил туда лед, открыл окна и уселся на полу разбирать альбом с фотографиями. Невольно он прислушивался к шорохам в квартире: не выйдет ли соседка из своего укрытия. Мать говорила, что Эльвина последнее время редко покидает свою комнату. Стучаться к ней было непринято. Ему сейчас как раз очень бы хотелось побывать у нее: посмотреть на эту фотографию, где молодая еще Эльвина вместе со своим Испытателем. Видимо, фотограф попросил ее смотреть все-таки в объектив, иначе она бы так и не отрывала взгляда от своего Испытателя. Но если нельзя смотреть на него, то хотя бы склонить голову к его плечу. Вот так. Навсегда.

«В молодости Эльвина была красавицей», – так мать зачинала свою сагу об их единственной соседке по коммуналке какому-нибудь новичку, еще не слышавшему печальную историю жизни Эльвины. «М-да, красавица. Пусть это остается на совести или вкусе матери. Это с ее-то ростом – чуть выше стола. На фото этом она так себе, ничего. Хотя, надо заметить, что раньше ведь не так все было. К фотографу шли принарядившись, и сам он был профессионал. А еще раньше, когда фотография только появилась, это было событие. Ехали на Кузнецкий сниматься к Фишеру. А в Петербурге цвел Булла. А теперь какая-нибудь лохматая наядя высунется из воды, вовсе не желая, чтобы ее снимали, а на берегу ее дружок с классным аппаратом: р-раз и фото готово». В

детстве они с братом пропускали эту часть материнского рассказа. Зная эту сагу наизусть, они ждали «твердого камня» и «лимона», чтобы от долго сдерживаемого смеха за столом при гостях было уже невмочь, чтобы мать проговорила, не меняя трагического тона, которым повествовала: «Вон из-за стола. Оба». И они с краской стыда на лицах, делая при этом ртом произвольно неприличные звуки, так что крошки разлетались веером, с грохотом отодвигали стулья и убегали к себе. Там они давали волю застрявшему в горле смеху. Если было слишком шумно, мать, оставив на минуту гостей, заходила к ним со словами: «Два маленьких бездушных паршивца». «Вообще, — размышляли они с братом, — если на каждую семью положено какое-то чувство смешного, то оно все ушло на них. Немного досталось отцу. Матери же не досталось совсем ничего». Да, в детстве они пропускали «красавицу», а подростком брат при этих словах саркастически поднимал одну бровь, как только он один умел в их семье. Хотя они с братом были похожи, сам он так не умел, видимо, у брата на лице работала другая группа мышц.

«В двадцать лет Эльвина осталась круглой сиротой, — продолжала мать свой рассказ всегда одними, раз и навсегда заученными словами, — вскоре она вышла замуж. Муж ее был испытателем подводных лодок. В один прекрасный день он ушел на испытания из этой нашей общей квартиры и не вернулся. Трагическую весть о гибели мужа Эльвина получила в тот момент, когда пила на кухне чай с лимоном». В детстве они бессознательно хохотали над этим «лимоном», а позднее, брат частенько изгалялся над матерью: «А скажите, уважаемая, какова, собственно, в этой трагической ситуации роль лимона?».

«Эльвина превратилась в твердый камень». «Мама, это свойство камня — быть твердым! Зачем уточнять?». Не обращая внимания, мать продолжала: «...твердый камень. А через пять месяцев родилась Марина». И кульминация саги: «Со дня рождения Марина умственно не развивалась». И гости в этом месте обычно восклицали: «Какая страшная судьба! Какое несправедливое распределение — столько горя одному человеку!». А мать привычно продолжала: «такие дети живут максимум до двенадцати лет. Поскольку родственники мужа от нее отвернулись, у Эльвины были только мы. Это было еще до рождения моих сыновей. Приходил доктор, просил нас убедить Эльвину отдать девочку куда полагается в таких случаях. Я не смогла пойти на такой разговор, — продолжала мать, — пошел Павел Андреевич».

Отец деликатно изложил то, что сказал доктор: «еще молодая... устроить свою жизнь... навещать, заботиться».

Кротко, по своему обыкновению, опустив глаза, Эльвина произнесла твердо: «Вам, Павел Андреевич, надлежит сейчас же покинуть этот дом и больше никогда в него не входить». Как будто надо было покинуть, как минимум, родовое имение, а не убогую комнату в коммуналке. Шаг – и ты уже вне этого «дома». «Отец стоял как громом пораженный, ничего не понимая, – рассказывала далее мать. – Потом наконец понял и покинул». Изгнав отца, Эльвина все-таки водила дружбу с матерью. И она, заходя к соседке, изредка брала с собой сыновей. «Маришенька, – пела тогда Эльвина, – к тебе мальчики пришли, гости». А они оба, еще не умея скрывать своих чувств, прижимаясь к матери, во все глаза глядели на сидевшую в высоком кресле огромную матрону – девочку всего на шесть и четыре года старше их, сплошь седую, внушающую им любопытство и ужас.

Шести лет брат отличился, нарушив все увещевания матери перед походом к Эльвине:

– А почему ваша Марина никогда не разговаривает?

Мать было дернулась к удобно расположенному на стриженной голове уху сына, но поздно...

– Это оттого, – отвечала Эльвина, – что ты иногда шалишь, а Марина очень послушная девочка.

– Хорошо, – не унимался брат, – вот я выйду за дверь, вы с ней поговорите, а я послушаю.

Мать тут же вспомнила про уют, оставленный случайно, и вывела их за дверь. А уж дома брату припомнилось все. А главное, что Сережа Леонтьев никогда бы... Они с братом в глаза не видели этого Сережу Леонтьева, но все о нем знали: Сережа Леонтьев был сыном маминых сослуживцев от первого брака. За всю свою жизнь Сережа Леонтьев ни разу не укусил своего брата. К тому же, если Сережу Леонтьева разбудить среди ночи, он расскажет стихотворение Пушкина и наизусть таблицу умножения. А откуда берутся такие дети, как у нее, мама не знала. Лет двенадцати брат попытался ей объяснить, но получил такую затрепину, что дальнейшие попытки прекратил.

Жарко было невыносимо. Он закрыл окно и отправился на кухню налить еще воды. Ему пришла в голову блестящая идея – принять холодный душ. После душа стало немного легче, и он опять принялся за альбом. В квартире было тихо.

Вот старые снимки: они с братом на даче, а родители еще молодые. А эти уже новые, последние. Брат со своей семьей. К своей семье брат пришел постепенно, через отрицание. Сначала он полностью отрицал брак. «Что может быть глупее брака?», – проповедовал он. Мнение свое он изменил, встретив студентку из Нижнего Тагила. Родители были в ужасе от такого выбора. Свадьба, однако, состоялась. «Иметь таких идиотов, какими были мы, – никогда!». Но пришла весть, и он тут же решил, что это даже хорошо, будет учить сына боксу, ведь надо же передать кому-то навыки. Будет расти настоящий мужик. У брата был разряд по боксу. Родилась, конечно, дочь. Но брат не сдавался, пытаясь обучить боксу двухлетнюю дочку. «Как ваша доченька?», – спрашивали у него. «Доченька! – брат улыбался саркастически. – Да это же мужик!». Выносили на руках «мужика» – крохотную заспанную девочку с плюшевым мишкой в руках. Брат смирился. Дочь он обожал. Просто пришлось слегка переориентировать интересы – с бокса на танцы.

Что бы он мог сказать теперь Эльвине? Что они были в детстве дураки. И смеялись над ней, вернее, над рассказом матери.

Он подбирал слова утешения, добрые слова. Когда умерла Марина, он был в свадебном путешествии, с тех пор соседку не видел. «Такие дети при хорошем уходе могут дожить до двенадцати лет», – сказал когда-то доктор. Благодаря ежедневному подвигу Эльвины, Марина дожила до двадцати, тридцати, почти до сорока.

Вода была выпита, в стакане остался только лед. Нет, надо налить в какую-то другую посудину, побольше. И он отправился на кухню. Шел, высыпая льдинки из стакана прямо в рот. И вдруг застыл в дверях: там, у плиты спиной к нему, помешивая что-то в кастрюльке, стояла Эльвина. Старая Маринина кофта выглядела на ней как пальто, подпоясанное военным ремнем. Белокурые волосы, – совсем уже седые, – были схвачены на макушке аптечной резинкой.

Он кашлянул. Она обернулась.

– Это вы? А я думала, ваши вернулись с дачи так рано.

Он не знал, что сказать ей, все подбирая нужные слова.

– Вот пришел забрать кое-какие фотографии.

– А как вам живется на новом месте? Далеко забрались?

– Да нет, тут рядом. У Елисеевского.

– Да, недалеко. Это хорошо. Я вот не была на вашей свадьбе и сейчас хотела бы пожелать вам счастья. Я знаю, это слово уже потеряло свое значение, настолько оно затерто. Но именно счастье я имею в виду. Жизнь так редко отмечает людей чувством счастья.

Теперь ему показалось, что он наконец нашел эти добрые слова, слова утешения:

– А вы, Эльвина...

– Да, – перебила она, кротко опустив глаза, – я одна из тех немногих, отмеченных.

МИДА КЕНЕГЕД МИДА

Крупными мокрыми хлопьями шел снег, и сигарета, которую он собирался прикурить, размокла в его руке. Он швырнул ее в снег и опять, – который раз за это утро, – подумал, что затея, стоившая ему бессонной ночи, бессмысленна и нелепа. На мобильнике было ровно десять утра. И, больше не давая себе времени на раздумье, он взбежал по каменным ступеням и толкнул тяжелую дверь. Гулкая тишина и полумрак большого зала встретили его. Он растерялся, обводя глазами зал, высокий его потолок. «Уйти, убежать», – пронеслось в голове. Но тут из-за боковой конторки, которая была не сразу заметна, вышел человек и направился к нему. Голова этого человека была наклонена набок, ладони свои он держал под подбородком, и издалека казалось, что он несет свою голову. Вельветовые брюки и вязаная кофта болтались на его тщедушном теле. Поравнявшись с ним, незнакомец этот, ничего не говоря, взглянул вопросительно. Посетитель вдруг почувствовал страшную неловкость, все домашние заготовки бессонной ночи вылетели у него из головы.

– Мне бы... к раввину, – начал он, – по личному делу... поговорить.

Станный этот человек сделал неопределенный жест, вроде, подождать, и засеменил вглубь зала. А посетитель так и остался на месте, судорожно вспоминая, как же обращаться к раввину. Он никогда прежде не бывал в синагоге, да и в церкви-то бывал всего несколько раз: затащили друзья на какие-то праздники. Он быстро перебирал в уме известные ему анекдоты, где есть обращение к раввину, но ответа так и не нашел. Внезапно этот, несущий свою голову, появился в конце зала и сделал ему знак. И он пошел к этому незнакомцу, отчетливо слыша гул своих шагов. Вместе они зашли в маленькую комнату, где сбоку за столом сидел сухонький старик.

«Ну и гербарий здесь у них», – подумал посетитель.

– Ребе, – обратился несущий голову к раввину, при этом глядя не на старика, а на пришедшего с ним, будто подсказывая, как надо обращаться к раввину, – Ребе, у вас посетитель.

И вышел, оставив их наедине. Старик сидел молча, и было непонятно, то ли он дремлет, то ли разглядывает свои ладони. Наконец неуловимым движением руки старик показал на стул слева от себя.

– Ребе, – проговорил посетитель, испытывая неловкость и неестественность самого обращения и ситуации в целом, – я ничего не знаю о вашей религии. Я неверующий, православный, ну... по рождению...

«Тут бы надо, – подумал он с привычной иронией, – рвануть рубаху на груди».

– Я не знаю, есть ли в вашей религии такое понятие как снятие проклятия. Я пришел спросить, потому что, мне кажется, ваш бог мстит мне, и я бы хотел...

Тут старик впервые поднял голову, и он поразился ясности его взгляда, небесной голубой влаге его глаз на сухом пергаментном лице.

– Всевышний не играет в хоккей (он произнес «хоккэй»), у Него нет ваших и наших. Всевышний никому не мстит.

Старик опять опустил глаза, помолчал и добавил:

– Я слушаю.

И он, уже не останавливаясь, чтобы поскорее покончить с этим делом, поначалу сильно сбиваясь, начал свой рассказ.

– Много лет назад, то есть несколько лет назад, когда я был на последнем курсе университета, в силу некоторых обстоятельств я сильно нуждался. Тут не место объяснять... Я постоянно думал о заработке. Однажды после лекции в коридоре я поднял с пола кольцо. Оно было тяжеленькое, явно золотое, старинного вида. С женской руки. Найти хозяйку кольца было проще простого: достаточно было объявить о находке в аудитории на следующий день. Но я этого не сделал. В тот же вечер отнес кольцо в скупку и получил за него такую сумму, на которую совсем не рассчитывал. На другой день, явившись на лекции, я сразу же пожалел о содеянном. Дело в том, что у нас в параллельной группе училась одна студентка, которая недавно вышла замуж. Буквально на другой день после свадьбы муж ее попал в страшную аварию и уже несколько месяцев находился в больнице, не приходя в сознание. Это было ее обручальное кольцо. Весь университет уже знал о пропаже, поскольку она, эта девушка, как будто обезумела, потеряв кольцо. Она кричала, что потеряв кольцо, убила его... и всякий такой вздор. Подруги насилу увели ее домой. Она была

в ужасном состоянии. Я хотел заполучить кольцо обратно, но в скупке его уже не было. По крайней мере, мне так сказали. Потихоньку эта история стала забываться: мы готовились к диплому. Уже работая, я встретил своего сокурсника, который рассказал мне о дальнейшей судьбе девушки. Парень этот, ее муж, чудом выжил, окончательно поправился, и они благополучно уехали в Израиль на постоянное жительство. Там они, по слухам, стали религиозными. Я был за них искренне рад, гора свалилась с моих плеч... Но с тех пор меня стали преследовать неудачи. Глупые, на ровном месте, иррациональные, словно кто-то подстраивает их. Про мелкие даже не хочу упоминать... Но вот встретилась мне замечательная девушка, любовь моей жизни, – голос его дрогнул, и он замолчал.

Молчал и старик. С минуту они сидели в абсолютной тишине. Затем посетитель взял себя в руки и снова заговорил:

– Мы решили пожениться, а перед самой свадьбой она вдруг передумала без всякой видимой причины. Теперь избегает меня. Объясниться она тоже не желает. И мне кажется, что это как-то связано с этим кольцом. Проклятие, что ли...

Он замолчал, почувствовав приступ знакомой боли. Старик тоже молчал, все еще разглядывая свои руки, затем поднял голову. И он опять поразился ясности его взгляда.

– Мида кенегед мида, – внятно сказал старик.

– Простите, я не понял, – произнес посетитель, и непонятое раздражение вдруг охватило его.

Старик между тем потянулся к низкой полочке над столом, достал два одинаковых больших бокала красного стекла и поставил их один против другого. Он с нарастающим раздражением следил за стариком.

– Мида кенегед мида, – опять произнес старик. – Мера за меру.

Он сначала не понял... И вдруг раздражение его прорвалось непомерным гневом.

– Как?! – почти закричал он, как будто наконец нашел виновника всех своих несчастий, – Как? Это у Него такая мера? Это, по-вашему, справедливая мера? Пусть я присвоил, пусть украл... Так пусть украдут у меня! Пусть вынесут все! Я сам открою дверь... Из-за кольца... всю мою жизнь...

Обессиленный, чуть не плача, он опустился на стул.

Теперь заговорил старик:

– Если из вашего дома вынесут телевизор (он произнес тэлэ-визор), вы почувствуете такую боль, какую чувствуете сейчас?

Старик помолчал. Затем опять заговорил, но так тихо, что слова его были едва различимы:

– Вы не кольцо украли, вы украли надежду, причинив человеку страшную боль. И это главная цена, которую вы должны заплатить.

– Я заплатил... – буркнул он, чувствуя, что приступ гнева проходит, но он не желал его отпускать.

– Прощение – великая вещь. Прощение творит чудеса.

– Но вы меня не поняли: я же сказал, что она уехала далеко, в Израиль. Что же мне теперь мотаться за ней по всему свету в поисках прощения? – Гнев его сменился горькой иронией.

– Да, вы опоздали с просьбой о прощении. О прямом прощении у человека. Но у Творца нет расстояний, нет у Него и времени... Даже наедине с собой говорите, расскажите всю правду, молитесь о прощении и тогда...

– ... и тогда, – не сдавался он, – Всевышний пришлет мне сообщение по электронной почте, что я прощен. Так? А иначе, как я узнаю...

– Творец разговаривает с нами обстоятельствами нашей жизни. По изменившимся обстоятельствам вы поймете...

Он встал. Надо было уходить. Он не знал, что сказать раввину: спасибо, до свидания, привет. Не найдя нужных слов, он вышел, осторожно прикрыв дверь. Он опять шел по длинному залу, в конце которого сидел его проводник, несущий свою голову. Поравнявшись с его конторкой и так и не найдя нужных слов, он неопределенно кивнул и вышел. Все так же шел снег, и он невольно зажмурился от этой белизны после сумрака, в котором он провел... сколько времени? На часах было десять сорок. Сорок минут? Ему показалось, что он вечность отсутствовал в этом мире. Хотелось курить. Он встал под козырек ближайшего подъезда.

«По изменившимся обстоятельствам...» – вдруг пронеслось у него в голове. Он отвернулся от ветра, достал сигарету и с удовольствием закурил.

АСТРОЛОГИЧЕСКИЙ ПРОГНОЗ

Как всегда перед новым годом в городе было не протолкнуться, повсюду что-то происходило, люди озабоченно спешили, и в этой толчее они опять встретились. Словно само Провидение заботилось о строгой периодичности их встреч. На этот раз она была с девочкой лет трех-четырёх, а он даже и не знал, что она вышла замуж. Взглянув на девочку, он был поражен их сходством, будто это и была сама Нина, которую он всегда знал: тот же серьёзный, без улыбки, взгляд светлых глаз, туго забранные с крутого лба в толстую косу белокурые волосы. А сама Нина в первый момент показалась чужой: челка и сильно подведенные глаза очень ее меняли. А пять лет назад, перед этой встречей, она еще хранила свой характерный облик. Они тогда, помнится, говорили о книгах. Он вдруг заинтересовался литературой эмигрантов, начиная с двадцатых годов. Сколько великолепных русских писателей дала эмиграция, а они мало что знали о них. И, как всегда, и тут у них все совпадало, хотя они так давно не виделись. Она тут же живо откликнулась и назвала и Газданова, и Зайцева, и Иванова. В ее глазах все эти совпадения были большой ценностью, чуть ли не доказательством чего-то. В такие минуты она всегда пристально взглядывала на него, как бы говоря: вот видишь. А для него – напротив – эта общность во вкусах и пристрастиях отбрасывала Нину на прежние позиции интересного собеседника и друга, лишая ее при этом... чего? «Тайны», – усмехался он про себя.

– Да, подтвердила она, – тогда мы говорили о книгах. А теперь чем ты занят? Или кем?

– Не знаю, говорил ли я тебе в прошлый раз, что уже много лет занимаюсь астрологией. Это очень любопытная наука. Я бы даже так ее назвал.

– Неужели, – воскликнула она, – ты во всем разобрался? Я пыталась, но эти градусы, аспекты просто сводят меня с ума. И я забросила эту науку, как ты говоришь.

Тут стоящая рядом с ней дочка молча подняла на нее глаза и стала теревить за руку.

– Нам пора. Если у тебя нет планов, и тебя никто не ждет, приходи к нам на Новый год.

– Планов у меня нет, меня по-прежнему никто не ждет, но я не знаком с твоим мужем и...

– А, вот оно что, – засмеялась она, – растения, животные и мужа как-то не приживаются в моем доме. Так что *don't worry*, приходи.

Они по давней университетской привычке иногда вставляли английские слова.

– У тебя будет большая компания? Я кого-нибудь знаю?

– Да нет, народу будет немного. Мою подругу ты, надеюсь, не забыл. Она будет со своим бывшим поклонником...

– Бывшим? Тогда почему вместе?

– Он упросил ее. Настоял встретить старый год вместе, а в двенадцать он исчезнет, как Золушка с бала, с тем чтобы Новый год она встречала уже без него. Как зарю новой жизни.

– Боже, какие страсти!

– Да страсти, – запальчиво проговорила она, и он хорошо знал этот ее тон. Тебе не понять. У тебя и Кармен благополучно бы вышла на пенсию, и Хозе дожил до глубокой старости. И эту дружную пару нередко бы видели в районной поликлинике.

Девочка опять напомнила о себе, потянув мать за руку. Они простились. Он обещал приехать. Девочка на прощание помахала ему рукой, и он опять поразился ее сходству с прежней Ниной. Он, конечно, не знал ее в таком младенческом возрасте: она появилась в их школе в начале учебного года в седьмом классе. Их тогда временно посадили вместе, но позже, когда началось великое переселение, они, не сговариваясь, молчком, как бы невзначай остались вместе. Они уже обнаружили, что у них много общего: серьезная, не школьная, поэзия, теннис, английский. Он часто бывал у нее дома. У ее родителей была отличная домашняя библиотека. Однажды, – это было уже в конце восьмого класса, – он засиделся у них допоздна, о чем-то, как всегда спорили, спохватились, и Нина пошла проводить его в прихожую. Надо было пройти при этом через гостиную, где в это время сидела Нина на мать с подругой. Та задержала Нину: «Господи, Нина! Как я тебя давно не видела. Какая ты стала, право, красавица!». И все в таком роде. Он стоял поодаль, чувствуя неловкость, а подруга матери медленно перевела взгляд с Нины на него и, бесцеремонно его разглядывая, растягивая слова, произнесла: «А это, наверное, твой мальчик». Он круто повернулся и вышел из комна-

ты. Нина догнала его: «невежливо, ты понимаешь, есть в конце концов какие-то...». Он не слушал. Он не мог объяснить, почему ему стало так неприятно от ее слов. Прежде всего, он – ничей. Он принадлежит себе, и точка. Он медленно стал отстраняться от Нины. Этим навыком отстранения безошибочно владела чуткая его душа. А затем и внешние обстоятельства этому способствовали. Те неподатливые звенья цепи, которые в течение долгого времени пыталась соединить его мать, вдруг срослись, и они оказались в другом районе города в просторной трехкомнатной квартире вместе с его бабушкой, маминной мамой. Само собой получилось, что Нина надолго выпала из его окружения. Когда же, окончив школу, он принес свои документы в университет, то первым встреченным там абитуриентом, оказалась она. Они вместе поступили на английское отделение филфака. И вся их студенческая жизнь шла рядом в дружбе, разрывах и примирениях, откровениях и тайнах. После университета он надолго покинул невские берега. Причин было несколько, но доминировала романтическая. И опять они с Ниной расстались надолго. Запутавшись тогда в сложных своих отношениях, он занялся астрологией, чтобы что-то понять, получить какой-то ответ на свое недоумение по поводу жизни. Эти отношения довели его до того, что он не выходил из дома, чтобы ни заглянуть в астрологические таблицы, ни проверить положение планет. Неврастенически пытался выяснить, что сегодня она ему скажет, как еще обидит. Он чувствовал себя таким одиноким, заброшенным, хотелось с кем-то поделиться, с кем-то очень близким. Он тогда написал письмо Нине. Туманное, ничего толком не объясняющее, просто ища сочувствия. Ответ пришел очень быстро. Ироничный и высокомерный: «От счастья я не исцеляю». Ну да, все справедливо. Там, в стихе Он променял ее (лирическую героиню – Ахматову) на Недостойную. И она предупреждает, когда он охладит к Недостойной, пусть не возвращается. Почти все, как у них с Ниной, если не вдаваться в детали. Особенно «дружбы светлые беседы».

Теперь, когда он вспоминал то время, оно отзывалось в нем сладостной, не острой болью: маленький северный городок, деревянное здание школы, где он учительствовал, пар изо рта по утрам и ее, милую, в сущности, девушку, причинившую ему столько боли. Он вернулся в свой город и, когда случайно встретил Нину, оказалось, что они, хотя и жили врозь, читали одни и те же книги, могли сразу же, как и прежде, говорить о чем угодно. Он уже излечился от своей привычки поминутно заглядывать

в астрологические таблицы. Эти все прогнозы, хотя и верны, оставляют все же полный простор для их интерпретации. Маленький эпизод заставил его совсем избавиться от этой тяги — заглядывать в таблицы и вычислять, что будет. Выходило, что ему в такой-то день грозит большая опасность — удар тупым предметом. Поздним вечером он вышел из дома испытывать судьбу. Если предсказание верно, то должно быть нападение, удар.

Но на улицах ночного города было тихо. Неожиданно появилась группа молодых людей, и их выкрики и внешний вид говорили о том, что они легко могли бы осуществить это предсказание, но они прошли мимо, вероятно, предназначаясь судьбой для выполнения в этот вечер какого-то другого задания. Посмеиваясь над собой, он вернулся домой и лег спать. Под утро позвонил приятель и попросил помочь: они с женой купили новый спальный гарнитур, предстояло избавиться от старого дивана. Вдвоем с приятелем взялись они за огромный, старинного вида диван непомерной тяжести. Тут за спиной приятеля его собака запуталась в веревках, и, чтобы не сбить собаку, приятель резко подал вперед. Удар пришелся прямо в бедро. Боль ослепила. Скрючившись, он не выпускал из рук свою сторону. «Вот он удар тупым предметом. С небольшой поправкой на время», — пронеслось у него в голове. Потом он долго-долго отлеживался у приятеля на этом вражеском диване. Какой толк в предсказаниях? Даже зная, ты ничего не можешь предотвратить. Он знал наверняка: спорить с Вселенной невозможно. И даже опасно. У нее свои, не ведомые нам, законы. *Whatever will be will be*. Он должен был ответить по счетам Вселенной. Вселенная все равно возьмет столько, сколько ты должен. Не больше, не меньше. У Мироздания также свои четкие сроки. Плод ни на одну минуту не задержится в чреве, человек ни на одну минуту не задержится на этой земле. Есть Числа и Сроки. Вот что он понял, занимаясь астрологией.

Около одиннадцати он поднялся в ту самую квартиру, из которой вышел когда-то, лет двадцать с лишним назад, почувствовав что-то для себя неприятное в определении его как «чьего-то мальчика». Квартира теперь выглядела совсем по-другому: у взрослой Нины оказался хороший вкус. Он много лет не видел Нинину подругу, но тотчас узнал ее. Она почти не изменилась — восточная красавица. У нее была какая-то сотая доля грузинской крови, положительно повлиявшая на ее внешность. Она умела ловко говорить с грузинским акцентом и придумывала смешные тосты «а ля грузин». Тут же на диване сидели другие гости — до-

вольно уже известный переводчик с английского со своей женой. Все трое о чем-то спорили. У окна, отдельно от всех, пытаясь быть непринужденным, стоял незнакомец, явно «бывший» Нининой подруги. Это был элегантного вида блондин, беглый взгляд на которого заставил его вспомнить давние времена студенчества, когда их гитарист Мишель Бараев выводил своим довольно приятным баритоном:

Флейтист, как юный князь, изящен,
Но кларнетист красив, как черт.

У Нины даже игра такая была: она всех опрашивала, как выглядят этот флейтист и этот кларнетист. Все описывали по-разному. Но у них с Ниной и в этом все совпадало: красив, «как черт», конечно же, сам Мишель Бараев – чернявый, веселый и бешеный, и, когда он склонялся к гитаре, выходящая прядь падала ему на лоб. Было в нем даже что-то гусарское. Ему бы пошло вдруг вспрыгнуть на стол в свободной белой рубашке с бокалом шампанского: «Господа! За прекрасных дам!». Что-то в этом роде они тогда с Ниной представляли. А вот «изящный князь», по их обоюдному мнению, почему-то блондин, не находился. И теперь, увидев этого «бывшего», он пошел разыскивать Нину, чтобы поделиться с ней своей находкой. Она была на кухне, перемешивала двумя ложками салат – последнее приготовление к столу.

– Нина, – начал он, – ты помнишь Мишеля Бараева?

– Да, а что? – и вдруг вскричала – Нет, – и смешно взмахнула салатной ложкой, – не говори! Я знаю, что ты хочешь сказать. Давай скажем вместе. Подожди.

Она завела руки за спину, развязывая передник. Лицо ее стало серьезным.

– Так, давай хором. Ты хочешь сказать, что...

И они произнесли по-разному одно и то же: этот молодой человек (а Нина назвала его по имени) и есть (таким я себе представляю) флейтист. «Как юный князь, изящен».

Они рассмеялись, и Нина опять подняла на него глаза со знакомым выражением.

Сели за стол уже в начале двенадцатого и продолжили тот спор, который вели до его появления Нининой подруги и переводческая чета: о предназначении, карме и судьбе. Около полуночи «бывший» вызвал Нинину подругу в прихожую. В пролете двери было видно их обоих: его, в небрежной позе привалившегося

к стене, и ее взлетающие в жестах, руки и пылающее лицо. Она вернулась за стол и все прикладывала ладони к горящим щекам. Продолжался все тот же разговор. Тут вступила Нина:

– Знаете, – сказала она, – мой друг много лет занимался астрологией и, я думаю, он сможет ответить на многие ваши вопросы и развеять многие ваши сомнения.

– Нина, – смутился он, – я... ты для этого меня пригласила? В качестве пророка?

– Перестань! Это новогодняя ночь в конце концов! Должны быть сюрпризы и всякое... Пожалуйста.

– Прости, – сдался он, – конечно, конечно, – откашлялся и начал иронически, тоном лектора: – Астрология говорит нам о том, что на нас влияют планеты. Каково было их расположение в момент нашего рождения определяет все наши склонности, таланты, внешность и дальнейшую судьбу. Каждый день, час и даже минуту планеты меняют свое местоположение, и этим определяются те или иные события.

– И вы даже можете на этом основании эти события предсказать? – перебила Нинина подруга.

– Да, – улыбнулся он, – но для этого мне нужны ваши данные, мои таблицы и, конечно, какое-то время.

Он записал все необходимое и обещал все предсказания передать через Нину. Они долго еще так говорили. И когда он вышел в морозную ночь вместе с переводчиком и его женой, было около трех часов утра. Подруга еще оставалась у Нины: после разрыва ей необходимо было выговориться, да и жила она в десяти минутах ходьбы. Он вернулся домой. Ему не спалось. Он побродил по пустой квартире: мать теперь все чаще ночевала у сестры, деликатно оставляя его одного. У каждого свои надежды и мечты. Он налил себе вина, устроился в кресле и разложил на столе таблицы. «Ну-с, – сказал он, – что там происходит у грузинских красавиц». Он проделал всю эту нудную работу: выписал положения планет, их градусы и взаимосвязь друг с другом. Отметил в какой дом попала та или иная планета. Все это записал, сопоставил, лениво попивая вино.

И вдруг он увидел, нет, не может быть, он наклонился к своим записям... Выходило, нет, ерунда. «Спокойно», – сказал он себе. Опасность. Это была стопроцентная очевидность опасности. «Нет, – успокаивал он себя, – это можно интерпретировать как угодно. Звонить Нине?». Он посмотрел на часы: было пять часов утра. «Поставить себя в глупое положение...». Так, раз-

мышляя, он незаметно уснул. Проснулся он внезапно, не сразу сообразил, почему спит в кресле... Потом вдруг все припомнил. Еще не зная, что скажет, набрал Нинин номер. Она тут же откликнулась, будто ждала звонка:

– Это ты? Он стрелял в нее! – и зарыдала, – я в больнице, она...

– Как стрелял? Из чего? – глупо начал он, уже все понимая.

– Из рогатки! – взвизгнула она и опять зарыдала.

Он молчал, растерянный, потрясенный.

– Он ждал ее у подъезда, у него был пистолет. Когда понял, что ранил, сам позвонил в Скорую и мне, негодяй, я всегда говорила... кто бы мог подумать, такой интеллигент, негодяй, и врач говорит, слава богу, будет жить, девяносто процентов, будет жить...

– Нина, – проговорил он, – я звоню, сейчас приеду, я смотрел, там все это выходило. Но не хотелось говорить, хотя знал. Я знал...

– О! *Of course*, - отозвалась она с сарказмом и злыми слезами в голосе, - *Of course, you did!*

ПРОШЛЫМ ЛЕТОМ В МАРИЕНБАДЕ

За эти два года она, казалось, перепробовала все средства, возможные и невозможные. Она устраивала вечеринки с приглашением дам отцовского возраста и моложе, покупала билеты в театры и на концерты; подстраивала «случайные» встречи: ничего не помогало. После смерти матери отец впал в полную апатию, закрылся на даче, и вернуть его к полноценной жизни она была не в силах. Очередным шансом, на который она возлагала большие надежды, была тетка ее школьной подруги Нины. Она много слышала хорошего о ней, но видела только один раз. Селест, – как Нина почему-то называла свою тетку, – была примерно одного возраста с отцом, ученый сухарь, но умница, а главное – любила музыку. Почему-то ей казалось, что отцу будет интересно с Селест. И теперь она встретилась с Ниной, чтобы обговорить свой план. Нине эта идея показалась безумной.

– Твоя мама была очаровательная женщина, прекрасная хозяйка. А как она готовила! Я так любила после школы приходить к вам обедать. До сих пор помню блинчики твоей мамы. А Селест... Она никогда не была замужем, детей у нее нет. Она даже готовить не умеет. В детстве, когда родители уезжали и оставляли меня у тетки, она стряпала нечто несъедобное и обижалась, когда я не ела. Правда, потом садилась около меня и, смеясь, читала стих, что-то из французской поэзии:

И тетка Селест,
Что рдея от злости,
Убила бы гостя,
Который не ест!

С моей легкой детской руки все родственники стали звать ее Селест.

– Ах, вот откуда это имя. За эти стихи она мне уже нравится.

– Я обожаю Селест! Но знакомить ее с мужчиной..., – возражала Нина.

– Но ведь у нее, ты говорила, был какой-то...

– Он и сейчас есть. Вечный ее оппонент. Я его называю мистер 3 – по первой букве его фамилии. Они друзья-враги. Он такой ироничный, высокомерный господин. Одним взглядом сотрет любого в порошок. Они то сходятся, то расходятся, но на почве научных споров. Тут нет никакого романтического элемента. Селест и любовь – две вещи несовместные. Сейчас как раз они, кажется, в «разводе». Он профессор. Работает. Преподает то в Гренобле, то еще где-то.

– Нина, прошу тебя, уговори Селест. Просто пусть встретятся, сходят в филармонию. Она такая умница. Мой отец... он же интеллигент: ему не любая женщина понравится. Пусть Селест скажет, что они раньше уже виделись у нас дома, я столько приглашала разных дам, он все равно не вспомнит.

Своим дочерним чутьем она предчувствовала удачу. Нина обещала поговорить. На следующей неделе она получила от подруги текст в телеграфном стиле: «Познакомила. С обеих сторон есть интерес, правда, пока, на мой взгляд, минимальный. Собираются вместе в филармонию».

«Нина – ты гений, твоя тетка – прелесть», – был ответ.

Она специально выждала какое-то время и с опаской позвонила отцу. Голос его звучал живее, она даже узнавала знакомые веселые нотки, исчезнувшие сразу после мамы.

На следующей неделе отец позвонил сам. Небывалый случай! Он просил ее пойти с ним купить рубашку. Она не верила тому, что слышала! «Понимаешь, – говорил он, – Гергиев дирижирует. Исполняют Рахманинова. Нужна рубашка».

Уже около двух часов Селест была дома после похода в филармонию. Два часа назад новый знакомый, с которым свела ее Нина, подвез Селест на такси прямо к дому. Они договорились увидеться в следующую субботу. Она вышла и приветливо помахала ему сумочкой. За стеклом такси различила его улыбку. Такси отъехало. И вот уже около двух часов, не снимая своего выходного платья, она все вышагивала по квартире, прижимая ладони к щекам. Щеки горели.

Мысли путались. Она присаживалась на секунду и опять начинала кружить по комнате. «Ну прямо как гимназистка, – сказала она себе, – надо сейчас же ему написать. Что написать? Что случилось то, чего она ждала всю жизнь? Вот мы с вами сегодня

вспоминали этот старый французский фильм “Прошлым летом в Мариенбаде”, и я забыла вам сказать, что его перевели неверно. Нужно: в прошлом году, а не прошлым летом. Нет, не то. Там все сумбурно и непонятно. Вот так и у меня сейчас на душе. Нет, опять не то. Нина просила просто помочь этому милому человеку. А теперь... Он, действительно, милый. Недавно перенес такое горе. Надо срочно ему написать. Да, я сейчас напишу». Она еще раз подошла к компьютеру, хотя текст присланного ей письма уже знала наизусть: «...снял небольшой домик прямо на море. Ехать из этого поселка на работу всего час. Под окном твоего будущего кабинета роскошное дерево, а как называется - не знаю. Тут совсем иная природа. В поселке есть замечательный рынок. Только что выловленную рыбу буду жарить тебе на обед. Я всегда был занят, ты знаешь, и не успевал тебе сказать: ты необыкновенная, единственная. Приезжай. Жду. Твой З».

ИСПАНСКОЕ КАПРИЧЧИО

После развода с мужем она не сразу поняла, что осталась совсем одна. Поначалу была занята выяснением отношений, а когда выяснила, начался следующий этап – ненависть к нему и к «этой». Потом развод. Все друзья, с которыми было столько общего, оказались друзьями мужа. Пригласить их за просто в гости стало неуютно. Вскоре выяснилось еще, что фирма, где так успешно работал ее зять, уезжает в другой город. А с фирмой и зять, а значит, и дочь. Ко всему этому надо было привыкать. Теперь она думала о том, что вот была же у нее до свадьбы веселая компания. После замужества она как-то резко перестала со всеми видаться, посвятив себя семье. И что? Какой итог? И где теперь, интересно, все эти люди? Ее вдруг поразила мысль, что все они живут в одном городе, и при желании можно всех увидеть. Нет, всех она и не желала видеть, но вот Рика... Конечно же, Рик с Кирой. Пусть так. Хотя бы просто посмотреть. Эта пара всегда была для нее загадкой: красивый, обаятельный, веселый Рик, студент факультета журналистики. Всегда элегантно одетый и рядом – Кира. Помнится, училась в медицинском. Все тогда были хоть немного влюблены в Рика, но он видел только одну Киру. А какие девушки были у них в компании! В число «каких» она, конечно, включала и себя. Даже имя свое он получил от Киры. Кто-то сказал: Кира и Кир. Но это было как-то неблагозвучно, и тогда поменяли на Рик. И новое имя ему очень подходило.

Все вечера после работы у нее теперь были свободны, и она стала действовать.

Многие номера телефонов не работали или принадлежали другим людям. Все-таки четверть века прошло! Наконец ей повезло: ответила Светлана. Недавно она перенесла операцию, была дома и почти все обо всех знала. Шушпанов женился на болгарке, Марик в Израиле. Среди прочих она знала номер телефона Киры. Они немного поговорили, и Светлана вдруг вспомнила, что у нее есть также телефон Рика. И было как-то неясно:

он же с Кирой встречался так серьезно. И что же? Они не вместе? Уточнять она не стала. Решила получить информацию из первых рук.

Рику позвонить она не решилась и начала с Киры. К телефону подошел явно Кирин муж, сообщил, что она много работает, недавно стала заведующей отделением клиники. «Везучая эта Кира, – подумала она, – был Рик, теперь заботливый, судя по всему, муж. Заведующая отделением». Из всех, до кого ей удалось дозвониться, навестить ее обещала только одна Кира. «Вот и хорошо: узнаю, что случилось, почему все-таки Рик ее бро-сил», – она сгорала от любопытства.

В назначенный вечер Кира пришла. После первых восклицаний, удивления она решила, что Кира мало изменилась: тот же внимательный взгляд светлых глаз, плоские волосы. Обязательная такая девочка. Только немного постарела. Хотя они в молодости не были близкими подругами, но обеим было что вспомнить о том времени, об их былой компании. Ей не терпелось спросить про Рика. Но первой задала вопрос Кира:

– А когда ты последний раз видела Рика?

Оказалось, что она видела его за день до того, как он с Кирой поехал в Испанию.

– А я, – заметила Кира, – ровно на неделю позже. После недели, проведенной в Испании, мы расстались. С тех пор я его никогда не видела.

– Как? Что произошло? – ахнула ее собеседница и даже придвинулась ближе в ожидании интересного рассказа.

Мадрид их обоих очаровал. Они бродили по городу, при этом часто заходя в музей Прадо. «Музей Ветчины» просто умилил. Весело они проводили эту мадридскую неделю. На ходу сочиняли всякие глупые частушки: «написала я Майн Риду, что слоняюсь по Мадриду». И прочие смешные нелепости. «А ведь Мадрид, наверное, от слова мадре – мать», – пришло в голову Рику. Вспоминали все, что относится к Испании: «весь я в чем-то норвежском, весь я в чем-то испанском», «я здесь, Инезилья». Видели корриду. Танцы фламенко. Возвращались в отель усталые, но и здесь не могли утомиться. Рик с одеялом в руках изображал тореадора. Кира, дергая в разные стороны юбку и поводя белесыми бровями, неумело играла Кармен. Они много смеялись. И тогда утихала тревога, которая появилась у Киры здесь, в Ис-

пани. Она даже мысленно начинала ругать себя: все это надуманное, я преувеличиваю. Но не могла забыть всплески его внезапного гнева, злое выражение лица. Первый раз это было после посещения музея. «Как много гениальных художников дала Испания», - произнесла она тогда, первый раз побывав в Прадо. И тут Рик стал доказывать, что в таких условиях – красота пейзажа, климат – даже стыдно гением не быть. И он был бы, конечно, гениальным живописцем, родился он здесь. Обычное, вроде, замечание, если бы не настороживший Киру желчный сарказм, несообразно поводу. Злая усмешка. Потом были еще всплески, менее заметные. А к концу поездки как-то прекратились. И Кира успокоилась.

В последний день перед отъездом вернулись в гостиницу пораньше. Принесли с собой вино, сыр и сели праздновать последний день в Испании.

– Давай, – предложил Рик весело, – увековечим наши испанские впечатления. Каждый напишет что-то вроде испанской баллады, нет, лучше назвать испанское каприччио...

– Только не в стихах, Рик! – взмолилась Кира.

– Хорошо, – милостиво согласился он, – форма и содержание – вольные. Время – двадцать минут. Победенный исполняет любое желание победителя. Но должен быть испанский дух. Согласна?

Он взял лежащий на тумбочке гостиничный блокнот, вырвал оттуда два листа. Один подал Кире. Ручка нашлась только у Рика. Что же делать? И Кира придумала: полезла в сумочку и достала черный карандаш для глаз. Все равно лежит без дела. Они сели подальше друг от друга.

– Поехали! – Рик взмахнул сувенирным платком.

Двадцать минут пролетели так быстро, Кира едва успела поставить точку. Они обменялись сочинениями. Быстро пробежав глазами Кирина листок, Рик резко встал и, вырвав у нее из рук свой, стал рвать его на мелкие кусочки.

– Что ты делаешь, Рик? – изумилась Кира. – Зачем? У тебя так хорошо про корриду...

– Про корриду? – и опять это злое, желчное лицо. – Вот именно. О чем еще может написать человек в Испании? Конечно, про корриду. Тривиально мыслящий человек пишет про корриду, учась на факультете журналистики. А ты почему не написала про корриду? А?

– Рик, не надо. Ты прекрасно пишешь, у тебя есть талант и...
– Смазливая рожа у меня есть. И больше ничего. «Нет больше Пиренеев!».

Он вышел из номера, оставив ее одну. Вернулся поздно. За весь этот последний вечер они не сказали друг другу ни слова. То же было и утром: молча собрали вещи, молча поехали в аэропорт. В аэропорту у них состоялся короткий диалог насчет билетов и паспортов. В самолете тоже молчали. Прилетели вовремя, по расписанию. Когда выходили из самолета, Рик, объявив: «между нами все кончено, Кира», быстро пошел вперед...

– Это был последний раз, когда я видела Рика, – закончила Кира свои воспоминания.

Хозяйка дома за это время даже не переменила позы, так напряженно она слушала. «Конечно, посмотрелся на испанских красоток. Наивная ты, Кира», – подумала она.

– Послушай, Кира, давай сейчас позвоним Рiku, у меня есть телефон. Пусть он придет, ведь это дела давно минувших дней, и тебе было бы интересно, как он прожил эти годы. Разве нет?

И не дожидаясь ее согласия, она набрала номер. Ответил Рик, она сразу узнала его голос. Предполагая, что он забыл ее за столько лет, она тут же объявила, что у нее Кира: вот они встретились, не хочет ли и он подъехать и вспомнить вместе то веселое, безоблачное время. К ее удивлению, Рик обещал быть через полчаса. И не обращая внимания на Кирины протестующие жесты, она продиктовала адрес.

– Это ни к чему..., – начала Кира.

– Ну почему? Интересно.

И она пошла в спальню подкрасить губы, поправить прическу.

Когда она вернулась, Кира все так же сидела на диване в напряженной позе. Все происходящее показалось ей вдруг нереальным. Как будто она участвует в чужом, не понятном ей спектакле. «Неужели я сейчас увижу Рика?».

Рик приехал даже скорее, чем они ожидали. Такой как прежде. Элегантный. Только с сединой, которая очень ему шла. С букетом белых роз в руках. Букет этот, почти не глядя, он сунул хозяйке дома. Он смотрел на Киру.

– Здравствуй, Кира! – громко и торжественно произнес он. – Салют доктору!

– Здравствуй, Рик, – тихо ответила Кира. Ей показалось, что он нетрезв.

– Я на минуту, – продолжал он почему-то громче, чем требовалось. – Меня ждет такси. Вот пришел отдать долг. Ты же победитель, – он усмехнулся. – Вот я и исполняю твое желание: ты хотела, чтобы я приехал. Я приехал. Ты победила, Кира. И вообще по жизни, и в частности.

Он полез во внутренний карман пиджака и бросил на стол свернутую бумажку.

– Прощайте. Будьте здоровы.

Он повернулся и вышел. Хозяйка поспешила его проводить. Вернувшись, она застала Киру растерянной, поникшей. С минуты обе женщины молчали.

– Как изменился Рик, – произнесла Кира печально.

– Изменился? А, по-моему, нисколько. Все такой же красавец.

Кира долгим и внимательным взглядом посмотрела на нее. Зазвонил Кириин телефон. Муж предлагал за ней заехать. Она отказывалась: «Возьму такси, отдыхай, не волнуйся. Нет, ждать не надо». Женщины обнялись на прощанье. И Кира ушла.

Оставшись одна, она силилась понять, что же сейчас произошло. Мысли ее перескакивали с одного на другое: «что связывает этих двоих? Какой Рик интересный. А Кира просто дура. Не смогла удержать. Надо поставить розы в воду».

Взгляд ее задержался на бумаге, которую бросил Рик. Она достала очки и, развернув бумагу, села на диван. Это был листок, вырванный из гостиничного блокнота. В верхнем углу стояла круглая печатка с надписью «*LOS CONDOS*».

Ниже она прочла написанное черным, осыпающимся карандашом: «В стеклянном сосуде окна налита черная испанская ночь. Девочки-сестры глядят в ночь. Чуть светятся темные обелиски фонарей. Сонные удочки качаются в каналах. Странной формы предмет с грохотом катится по булыжной мостовой. И в предчувствии беды зарыдала старшая. Безучастно-светла была улыбка младшей, глядящей в ночь».

ТОСКУЯ ПО КИОТО

Уже около двух недель он был в родном городе, но ей так и не позвонил. Он знал, что она переехала, год живет в другом районе. Правила изменились: зачем звонить, что он скажет? И в то же время знал, что просто не сможет уехать, не повидав ее. Он думал о том, как, будучи далеко от родного города, в прекрасной Европе, ловил себя на поиске подобий: дворик с косо вросшим деревом и забытыми качелями, дом с похожими окнами, вдруг в толпе выхваченное лицо, как будто знакомое. А однажды в отеле он буквально шел по пятам за официантом, везущим тележку с завтраком, вдыхая аромат свежего хлеба. Официант все время оглядывался подозрительно, но по долгу службы вынужден был улыбаться. Такой вкусный запах он чувствовал сразу выходя из школы: рядом была пекарня.

Повсюду хотелось выискивать этот «дым отечества». Но вот он приехал, побывал и у школы, и даже тайком у ее дома, а того волнения, которое испытывал там, вдалеке, не было. Словно что-то мешало.

Она ответила сразу, он даже не успел приготовить нужные слова. Узнала его и как будто обрадовалась. После обычных расспросов – как, где, надолго ли – она объявила жеманно: «Я принимаю по субботам». Это была их давняя игра – изображать каких-либо персонажей. То вести светский разговор, то лепить диалог сплошь из газетных штампов, то пытаться изобразить простонародный, деревенский говор. Вот и сейчас она заговорила как «светская львица». В этих играх она всегда побеждала: его запас подходящих выражений иссякал намного быстрее. В реальности в субботу был ее день рождения. Он, конечно, это знал. И вот получил приглашение.

Все ее считали талантливой, хотя никакого большого таланта, – насколько он знал, – за ней не числилось. Просто, если в компании нужно было изобразить некий персонаж, написать пародию в стихах, подделать акцент или диалект, она делала это точно, смешно и лучше других. Она никогда

не училась живописи, однако, когда дискуссия со знакомым художником дошла до того, что он подsunул ей карандаш и блокнот, она «на заказ» рисовала картинки под того или иного художника. Быстро, ловко. Все удивлялись. Сам художник был в восторге.

Собираясь теперь на встречу с ней после почти четырехлетней разлуки, он надеялся получить от нее разгадку своей недоуменной обиды: после двух первых лет ежедневной переписки, звонков она вдруг резко, без объяснений оборвала их связь.

Он купил большой букет белых гвоздик и решил немного опоздать. Она всегда смеялась над ним за то, что он никогда не опаздывает. Вообще любила дразнить его по всякому поводу. «Опасный ты человек, – говорила она, – все-то ты придумываешь, мечтаешь. А ну как окажись реальность хуже мечты? Ведь сбросишь безжалостно с пьедестала».

Она сама открыла дверь, но он не успел сказать и приветствия, как гости затормошили ее и утащили. Его усадили за стол на другой конец, далеко от нее, а он все поглядывал туда.

Она почти не изменилась. Оказалось довольно первых двадцати минут, чтобы привыкнуть к новой прическе, другому стилю в одежде. За весь вечер ему только раз удалось приблизиться к ней; и в этом коротком, пустом разговоре она назвала его обычным именем, а не тем ласковым и привычным, что сама изобрела, уверяя, что у каждого должно быть такое имя, отражающее суть. И это больно задело его. «А было ли между нами то понимание, та незримая, нам одним понятная связь? Или я все, действительно, надумал».

Она была занята. Вместе с гостями увлеченно трудилась над таким трюком: надо было в течение нескольких секунд смотреть в компьютер на некое фото в негативе, затем быстро закрыть глаза и, переведя взгляд на белую поверхность – например, потолок, – глаза открыть. И тогда на потолке игрок должен увидеть четкое изображение этой фотографии. Мало у кого получалось. Раздавались голоса: «Это иллюзия. Неправда!». Кто-то кричал: «Вижу!». Такому игроку не верили. Все были так увлечены, что на него никто не обращал внимания. Обида и недоумение росли с каждой минутой, и он решил уйти. Вдруг ему показалось, что надо быстро уйти, чтобы забыть, чтобы уже никогда.. Ну сколько это может продолжаться? Чтобы уже навсегда. Его никто не удерживал.

Смеющаяся, разгоряченная, она выбежала за ним в прихожую. Он резко схватил ее за руку. Она осторожно высвободилась и передала ему сложенную вчетверо записку.

– Прочти в самолете, но не раньше! Обещай. Ведь ты завтра улетаешь, так?

Он взял записку.

– Постой...

– Нет, – перебила она, – в самолете.

Вечером следующего дня он улетал. И даже теперь он не посмел ее послушаться. Только устроившись в кресле самолета и подождав пока объявят взлет и все успокоится, он развернул листок. «Смотри, Палеша, какую замечательную мысль я нашла в книге по буддизму. Только ты и сможешь это оценить: “Я в Киото, но слышав голос кукушки, тоскую по Киото”».

САД ЗАКРЫТ НА ПРОСУШКУ

В семь часов ушел последний пациент. Последний в этом году. Теперь он сидел в кабинете почти в темноте: он любил эти минуты в конце рабочего дня после приема. В кабинет заглянула его ассистентка.

— Все готово, доктор, чтобы начать первый день в новом году. Оба кресла я приготовила.

— А кто будет у нас первым пациентом в новом году, Николь?

— Мистер Вест.

— Чарли?

— Нет, молодой Вест. Кевин. Удаление зубов мудрости. Решился сразу на два.

— Мудро. Сразу и войдем в ритм.

— Да, доктор, спасибо за подарки. Майки будет в восторге от этой машинки. А я всегда мечтала о таких перчатках. Спасибо.

— Очень рад. Еще раз с Новым годом! Целуй Майки, кланяйся мужу.

Она не уходила. Опять эта недоговоренность. Она как будто хотела сказать: может быть, в этом году, наконец, ты одумаешься, забудешь эту странную девицу, женишься и следующий год тебе не придется встречать одному, как все эти десять лет, с тех пор как...

Она медлила.

— А вы, доктор? — все-таки спросила она, показывая всем видом, как она жалеет его, как хочет сказать что-то ободряющее.

— Я еще побуду немного. С Новым годом!

Ассистентка вышла, тихо прикрыв за собой дверь. Он слышал, как отъехала ее машина. Повезло ему с Николь. Толковая, всегда можно во всем на нее положиться. А главное — Николь видела ее, знает всю его историю и правильно понимает. Уверен, что и дома у нее все в полном порядке, уже все готово к встрече Нового года. Впрочем, у него тоже. По раз заведенному сценарию он вернется домой и сразу начнет готовить этот салат, кото-

рый занимает уйму времени. Это будет его десятый новогодний салат. Юбилейный. Она, эта «странная девица», как называет ее почему-то Николь, тогда приготовила это блюдо для него. И так этот салат ему понравился, что он был готов сразу все съесть. Но предусмотрительно оставил немного и утром, когда она еще спала, разобрал салат на ингредиенты и аккуратно все записал. Это был странный салат: кажется, там была добрая половина известных ему продуктов. Картошка, огурцы, яйца. Тогда это был их первый совместный Новый год. Теперь он мог с трудом припомнить то мероприятие, на котором он ее встретил. Что-то благотворительное, куда он попал случайно. Он был еще только начинающий стоматолог, никого не знал в этом мире. Он подошел к какой-то незнакомой группе молодых людей и сразу увидел ее. Ему показалось, что они знакомы или, по крайней мере, он видел ее раньше. Но когда она заговорила с каким-то резким, незнакомым акцентом, понял, что видит ее впервые. И в то же время было ощущение, что он ее знает. Непривычное ощущение. Позднее его друг, сведущий во всяких мистических делах, выразил уверенность, что они, видимо, были близкими людьми в прошлых воплощениях. И не обязательно здесь, в Чикаго. Так это или нет он не знал, но сразу понял, что она должна быть с ним. Она жила где-то очень далеко со своей подругой и попала на этот благотворительный вечер совсем случайно. Вскоре она почти совсем переехала к нему. Почти, потому что так и не перевезла свои вещи, и иногда все-таки оставалась ненадолго там, «у себя». Он мало знал о ней: как она попала в Чикаго, что собирается делать, где ее семья. Он знал только, что скоро-скоро она станет миссис Стоун, а остальное неважно. Она часто рассказывала ему о своем родном городе. Теперь-то он мог с закрытыми глазами пройти по этому городу, хотя никогда там и не бывал. Может, когда-нибудь... «В моем городе, – говорила она, – есть прекрасный сад с белыми статуями. Этот сад называется Летний. Великолепный дворец с множеством картин, роскошных вещей. Дворец-музей называется Зимний. В городе протекают реки и каналы. Есть крепость. Из европейских городов, – рассуждала она, – он походит сразу и на Париж и на Венецию. Но намного лучше. Если хочешь, поедem туда вместе. Или в Париж. Или в Венецию». «Но это так далеко, надо же иметь много времени в распоряжении, а я только недавно начал практику и не могу оставить пациентов». «Так давай поедem на пару дней», – не сдавалась она. «Как это на пару дней? Так никто не ездит. Это безот-

ветственно. Так жить нельзя». «Только так и нужно» - был ответ. «Да как же, - доказывал он правоту своей позиции в жизни, - чем я объясню свое отсутствие?». «Чем? Да мало ли.. У стоматолога стоматологические проблемы. Ушел к стоматологу. Сломалась бор-машина. Подумаешь! Напиши на дверях, что хочешь, это же твоя личная практика. У нас даже целые сады закрывали. Приходишь, а там надпись: “Сад закрыт на просушку”».

Он посмотрел на часы. Девять. Опять эти воспоминания. Пора ехать домой. Но как-то легче сидеть в офисе в этот праздничный вечер. Дома все напоминает тот последний, когда он со своими сюрпризами – сделанным своими руками, но по ее рецепту салатом и кольцом для обручения – ждал ее к девяти, к десяти... Не веря и тогда, когда часы пробили полночь. Она так и не появилась. Никогда.

Он оделся и вышел в свежий морозный вечер. Сел в машину. Включил музыку, чтобы не вспоминать, отвлечься.

– Да, – говорил он ей тогда, – так безответственно жить нельзя.

Она сидела в самом уголке дивана с поджатыми ногами в его полосатой, по ее словам, «стариковской» пижаме, которую обожала.

– Каждый человек, – рассуждала она, жестикулируя, так что длинные рукава пижамы мотались из стороны в сторону, – в какой-то момент должен себя отпустить. Отпустить можно двумя способами – позитивным и негативным.

– Как это? – недоумевал он. – Что ты имеешь в виду?

– Да что же это такое! – вскочила она с дивана. – Все «как это», да «как это»! Ты вообще о жизни думал, рассуждал или только о химических формулах?

Она сердилась, а он не понимал: это в шутку или всерьез.

Трудно стать врачом. Даже дантистом. Хотя в Америке дантистов и называют недоучившимися докторами. Некогда было думать о постороннем.

– Даже сад, как видишь, нуждается в чистке, пересмотре всего. Не так ли и человек? – теперь она, заложив руки за спину расхаживала по квартире с видом лектора. Забавно было наблюдать за ее серьезным лицом. Акцент ее в такие минуты усиливался.

– Одной даме, – продолжала она, вышагивая по комнате, – страстно захотелось курить. А дело было в самолете. Полет про-

должался длительное время, и вот как она решила эту проблему. Пошла в туалет, набросила на сигнальное устройство мокрую салфетку и закурила.

– Да что ты? – не выдержал он, – ведь ее должны были сразу разоблачить.

– Да, ее, конечно, сразу разоблачили, но дело не в этом. Это пример «негативного отпуска». Понимаешь?

– Приблизительно.

– Приблизительно! – передразнила она и взмахнула длинными рукавами пижамы. – Вот другой пример. В один прекрасный день человек, зная, что потеряет работу и долго не найдет другую, что ставит под удар свою карьеру, вдруг высказывает в лицо измывающемуся над всеми начальнику все, что он о нем думает. Все как есть! Понимаешь разницу в первом и во втором случаях?

– Приблизительно.

– В первом случае чисто эгоистический поступок, а здесь...

– ...а здесь поставил под удар все, что имел ради... тоже эгоистического желания. Не так разве?

– Ради восстановления справедливости, ради других, не только ради себя. Это другое.

Он уже заезжал в гараж. Зашел в дом, включил свет, достал из холодильника нужные продукты. Он сделает салат, откроет бутылку шампанского, зажжет свечи. После двенадцати достанет карту ее города, которую изучил во всех подробностях. Когда-нибудь он обязательно «себя отпустит» – поедет в этот город. Когда-нибудь, может быть.

УЗЛЫ ЛУНЫ

Воскресенье неожиданно позвонила Сенина сестра. Она долго жаловалась на Сеню: «так жить нельзя, снимает какое-то полуподвальное помещение, там невообразимая грязь. Беспорядок. Ему скоро тридцать семь лет. Ни жены у него, ни любви. А недавно пришли крысы и съели Сенины джинсы». Умоляла на него повлиять. Они с Сеней были приятелями, но не близкими, и ее выбор приятно удивил его. Значит, она разглядела в нем что-то особенное. Позднее узнал, что с просьбой повлиять на брата она звонила всем подряд. Он хорошо понимал, о чем она говорит. Всего один раз ему довелось побывать у Сени в его полуподвальной квартире, но этого оказалось достаточно, чтобы признать ее правоту.

Как-то после обильного застолья он, слегка нетрезвый, вышел вместе с Сеней из ресторана. Был теплый август. Время белых ночей прошло. Мосты в этот час были разведены, и попасть домой не представлялось возможным. Тут Сеня и предложил переночевать у него. «Здесь недалеко, – объяснил он, – на Кирочной». «На Кирочной?», – удивился он. «На Салтыкова-Щедрина, – поправился Сеня, – бывшей Кирочной. Но не от слова кирять, а от немецкой кирхи, которая здесь была когда-то». Малопьющий Сеня повел его к себе домой, буквально взяв за руку, как он сам каждое утро водил дочку в детский сад. Сеня открыл дверь, не включая свет, а может, у него свет никогда и не включался, провел в темноте в комнату и, легонько толкнув со словами «здесь диван», исчез. Диван был холодный и почему-то немного влажный. Он поднял с пола какую-то тряпку, вероятно, упавшую штору, завернулся в нее и тотчас уснул. Проснулся он внезапно. Прямо в самое его ухо громкий женский голос объявил: «Следующая остановка – Таврический сад». Он стал выпутываться из шторы, бился в ней, как, вероятно, бьются буйно помешанные, и наконец одолел. Освободившись, он подошел к раскрытому настежь окну, сделал шаг и оказался на троллейбусной остановке. Подошел троллейбус. Двери его раздвинулись в резиновой, приглашающей улыбке,

но никого не было на остановке в этот предрассветный час. Знакомый женский голос напомнил о Таврическом саде. Он вернулся в комнату тем же путем, закрыл окно и пошел искать хозяина. Комнат в квартире было всего две. Войдя в соседнюю, он увидел спящего на кровати Сеню. Голова его была сильно запрокинута назад, острая бородка смотрела в потолок, и спящим он напоминал товарища Дзержинского.

Посередине комнаты стояли огромные напольные часы. У часов этих, вероятно, было много функций и обязанностей в этом доме. Сверху свисали футболки, трусы и даже змеился развязанный желтый галстук. На единственной поверхности часов стояла тарелка с каменными макаронами и открытая банка консервов. Больше никакой мебели в комнате не было. Недостаток мебели был с лихвой компенсирован избытком посуды. Тут были миски, мисочки, банки и, как граф среди простонародья, причудливой формы бокал. Разная по форме, эта посуда поражала, однако, однообразием содержимого: это была бурая от времени смесь с воткнутыми в нее сигаретными окурками. Он не стал тревожить гостеприимного хозяина. Выйти он решил в дверь, но как ни пытался ее открыть, дверь не поддавалась. «Надежно запирает хозяин свои двери от грабителей», – подумал он с улыбкой и вышел в окно.

И вот теперь ему надлежало, как он обещал Сениной сестре, поговорить с ним.

Сене тридцать семь лет. И тут он вспомнил о Лунных Узлах. Об этих Узлах рассказала ему бывшая его девушка, с которой он расстался много лет назад. Необычные были у нее интересы. Ее занимала астрология, паранормальные явления и тому подобные странные вещи. Когда он говорил слово «мистика», она очень горячилась, пытаясь ему что-то объяснить, что было неподвластно его разумению. «Нет никакой мистики, – говорила она, – есть самое реальное устройство мира, как машина, скажем, или пылесос. Это все реально». И, действительно, у нее имелись специальные астрологические таблицы, выпущенные каким-то вполне уважаемым научным обществом, которые она постоянно читала. Каждая страница этой книги представляла собой ровные столбцы цифр, на которые она разнообразно реагировала, как будто читала увлекательный роман. Порой, глядя в эти цифры, она зажимала ладонью рот, восклицая: «Какой ужас!». Порой весело смеялась, и тогда он заглядывал ей через плечо, ища каких-либо

намеков на такое веселье, но видел лишь ровные столбцы цифр. Но про Лунные Узлы он почему-то сразу поверил и запомнил. У каждого человека присутствуют эти загадочные Узлы. Это ориентиры его судьбы. Они повторяются каждые восемнадцать лет от момента рождения. Первый раз в возрасте восемнадцати лет судьба еще не устраивает жесткую проверку человеку. Но в тридцать шесть – тридцать семь лет – другое дело. Каждый человек, вспомнив этот возраст, если его уже прошел, обнаружит очень важные события, которые случились с ним: женитьба, рождение детей, болезнь, перемена карьеры. Психологический переворот, наконец. Все может случиться, вплоть до смерти. В этом возрасте ушли из жизни Пушкин, Маяковский, Белинский, Байрон. Через девять лет узлы в противофазе, что тоже важно. Следующее их появление в возрасте пятидесяти четырех-пятидесяти пяти лет. Но в тридцать шесть – тридцать семь – самый строгий спрос.

Сестра сказала, что Сене теперь тридцать семь. Грядут перемены. Он придумал причину: ему нужна редкая книга, которая могла быть только у Сени, и заявился к нему. Сеня неожиданно встретил его в чистой футболке. И было абсолютно ясно, что и штаны, которые на нем, только что приобретены. Его предположение довольно быстро подтвердилось, стоило Сене повернуться к нему спиной: из заднего кармана свисала бирка с ценой и размером. Но это еще не все: Сеня был чисто выбрит, даже исчезла борода. Комната уже не поражала количеством посуды, а из мебели появился небольшой столик. «Зачем я здесь? Наверное, появилась женщина», – предположил он.

– У тебя, я смотрю, перемены.

– Да, вот купил себе новые штаны. Ты знаешь, мои единственные джинсы съедены.

– Как? – удивился он, хотя уже слышал это от сестры. – Расскажи.

– Пришел я вечером домой, – начал Сеня, – разделся, поставил джинсы у двери.

Он посмотрел на серьезное Сенино лицо и рассмеялся: «поставил». Он помнил эти джинсы. Давно уже их материя превратилась в какую-то другую субстанцию, состоящую из жиров, белков и углеводов, а также различных соусов. Съедобную субстанцию. Все это затвердев, сделало их негнущимися. Вот он их и «поставил».

– ...уснул я, - продолжал Сеня, – а проснулся от какой-то возни в углу. Сначала ничего не было видно. Пригляделся, смотрю: огромная крыса ворочает мои джинсы. Раскладывает, разглядывает, нюхает. Такая деловая. Как портной. Кажется, у нее даже очки были на носу. Я долго смотрел на нее, как она управляет с моими штанами. А потом стал шарить под кроватью в поисках ботинка. И как шарахнул в нее... И ты представляешь, – удивленно говорил Сеня, теребя подбородок – привычка, оставшаяся со времен ношения бороды, - она не очень испугалась. И прежде чем скрыться, посмотрела на меня как на полное ничтожество».

Он возвращался от Сени и думал о том, что миссионер-то он неважный. Никогда бы он не решился говорить с Сеней о его неправильном образе жизни, поучать, как просила его сестра. Тридцать семь лет – критический возраст. Грядут большие перемены. Возвращаются Лунные Узлы.

**ЧУДНЫЙ МАЙ,
ЖЕЛАННЫЙ МАЙ**

Женщина, сидевшая в купе поезда, еще раз взглянула на часы: до отправления оставалось всего несколько минут, а попутчиков все не было. Она так устала, ей хотелось скинуть туфли, ослабить лямки лифчика, устроиться, наконец, удобно с книжкой. Но она сидела напряженная, с ужасом думая, что вот сейчас ввалятся какие-нибудь командировочные: выпивка, глупые шутки. Она опять машинально взглянула на часы, и в этот момент дверь купе мягко отъехала в сторону, пропуская одну за другой двух нарядных девочек лет десяти и семи, а за ними высокую даму, очевидно, их мать. Вошедшая была именно дама: так красиво были причесаны ее волосы, так ловко сидел на ней дорожный костюм. Все трое разместились напротив, и женщина, довольная такой компанией и невольно занятая разглядыванием своих попутчиков, даже забыла про усталость, только машинально скинула туфли. Девочки были замечательно хорошенькие, особенно старшая. Светлые кудрявые волосы и в контрасте с ними темные ресницы и брови привлекали внимание. Портит ее немного хмурое выражение лица. Младшая была не столь яркая. Но женщина, проработавшая учительницей почти тридцать лет, знала, что такая внешность встречается гораздо реже, чем красота. Это «высокая нота» во всем облике, трудно передаваемая словами, этот тихий свет в глазах.

Было время ужина. Мать достала из сумки вкусно пахнущий пирог и сначала угостила соседку, а затем передала кусок старшей. Та, скрестив руки на груди, так демонстративно отвернулась, что даже подпрыгнула. Мать слегка покачала головой и отдала пирог младшей. Девочка подержала его в руках и затем легонько толкнула сестру в бок, протягивая пирог ей. Она взяла.

«Драма, – подумала учительница, – и у таких симпатичных людей драма».

Полужинав, начали укладываться. Девочки, немного поспорив, забрались на верхние полки. Младшая над матерью, старшая на-

против, над учительницей. Скоро в купе стало совсем тихо. Уснула мать. Немного повозившись, затихла старшая. Учительнице со своего места было видно младшую девочку. Она лежала с открытыми глазами, водила пальчиком по желтому тисненному полотку и как будто что-то шептала. Да, девочка не спала, думая о том, как быстро все произошло, как все изменилось за последние два дня. Еще в субботу был такой веселый, праздничный день перед экзаменами в музыкальной школе. Мама вдруг объявила, что довольно с них занятий, надо отдохнуть, и они поехали гулять в летний сад. Какое мороженое они ели! Правда, она, желая что-то показать маме и сестре, прыгнула со скамейки, оставив на ней свой стаканчик. А потом случайно на него села. В первую минуту она испугалась. Но, увидев, как мама и сестра вместе смеются, тоже засмеялась громко и радостно. Потом они вместе очищали ее пальтишко, а она крутилась, изображая собаку, которая догоняет свой хвост. И мама с сестрой не ссорились. Ни разу за весь день! И она дорогой все думала, что бы еще такое сделать, как бы еще рассмешить их. Сесть, что ли, в лужу. А на следующий день... да, на следующий день, когда они играли в комнате, сестра вдруг опять начала говорить про «эти песни», которые выбрала для них мама, чтобы они исполняли на экзамене.

– Я ни за что на свете не буду петь эту песню! И вообще не пойду. А ты? Ты будешь? Ты пойдешь?

Младшая уже знала, что «начинается», что гнев сестры нарастает, и ее не остановить.

– Да, наверно, может быть, буду..., – пролепетала она.

– Если ты будешь, значит, ты предатель. Сама говорила, что твоя песня тебе не нравится, что ты вообще ненавидишь музыкальную школу! Что, скажешь, не говорила?!

Да, было, было. Рисовала она дом с трубой и дымом, поднимала над ним руки, произносила страшным голосом: пшш, пшш, гай, гай (гори, гори), музыкальная школа! Было. Но не пойти на экзамен...

А сестра уже бежала к матери, младшая поспешила за ней, остановить, не допустить. Поздно. Не добежав до них, она так и застыла в прихожей. А там... с обеих сторон уже сыпались страшные слова, обвинения, угрозы. Увидев тихо вошедшую младшую дочь, мать еще усилила свои обвинения старшей:

– Ты, всё ты, ты и сестру подговариваешь.

– Ничего она меня не подва... не подга... не подваривает, – лепетала младшая, пытаясь ее защитить.

А сестра, красная, со слезами на глазах, кричала, что мать это нарочно, назло выбрала такое для экзамена, чтобы все над ними смеялись, чтобы...

Только много позже вся эта неясная враждебность найдет словесное выражение. А пока... всё произошло мгновенно: мать схватила телефонную трубку, стала крутить диск с такой яростью, что сорвала ноготь, отшвырнула трубку, через секунду набрала номер опять и срывающимся голосом буквально выдернула их обеих из школы. Вычеркнула. Навсегда. С музыкой было покончено навсегда. В комнате настала полная тишина. Через два дня, как и планировалось на время каникул, они поехали на юг.

Состав вдруг дернулся и остановился. Маленькая девочка посмотрела вниз. Мама и соседка напротив спали. Рядом на верхней полке спала сестра. А ей было горько и одиноко. Она еще не знала, что даже много лет спустя, когда они будут жить не только в разных городах, но и в разных странах, эта горечь будет сопровождать всю ее жизнь, что при личных встречах и в длинных телефонных разговорах она будет слышать этот «бесконечный поток доказательств» с обеих сторон.

— У матери всегда была и есть на первом месте показуха! Все напоказ. Все на продажу. Ты помнишь, когда мы были маленькие, какие песни она заставляла нас петь в музыкальной школе? Ну, конечно, выходит такая хорошенькая девочка (я же была такой, не то что сейчас), тычет себя в грудь, как идиотка, по материнскому сценарию, и выводит «называют меня некрасивою...» и все сразу умиляются, расслабляются. Директор с улыбкой наклоняется к завучу: «Как славно!». Тьфу!! ненавижу эти дешевые эффекты. А твои песни? Что, лучше, что ли? Что ты молчишь? Ты всегда молчишь, соглашатель. Миротворец чертов.

Младшая молчит. Она думает о том, что каждый живет своей жизнью, в меру своих понятий. Это надо бы осознавать. И то, что называется показухой... Может, это просто неугасимая жажда творчества, самовыражения, которых так мало в обыденной жизни, особенно у женщины, занятой детьми. Одежда - своя и детей, домашний быт — все творческий процесс, поле для исканий и усилий. И неизбежны ошибки, подводит чувство меры или дерзость...

— Была недавно у матери, — сообщает старшая сестра, уже взрослая, в другой раз. — Везде у нее ковры...

— Кажется, у нее всего один ковер, — осторожно вставляет младшая, тоже уже взрослая.

– Для показухи и одного достаточно. Глотает пыль, а всё туда же.

– Но она же сама его чистит, пылесосит, говорит, что для нее это хорошая зарядка.

Старшая еще что-то говорит и говорит, но сестра уже не слушает.

«Да, – думает она, – а у тебя везде дерево, дерево. Деревянные полы и даже часть стен. Все натуральное. На мой вкус немного как в финской бане. Ковров, конечно, нет. И, боже упаси, хрусталь. Когда ты приезжала в прошлый раз на Новый год, я свои хрустальные бокалы спрятала, хотя люблю, когда красное вино в хрустале: “...немного красного вина, немного солнечного мая...”. Пили из стеклянных, плоских, тоже очень красивых».

Поезд опять остановился. Учительница с трудом разлепила глаза и глянула в окно. Стоим. Сколько же она проспала? Минуты, несколько часов? В темном окне отражалось их купе. На верхней полке маленькая девочка все еще лежала с открытыми глазами. «Похоже, так и не заснула совсем», – подумала учительница и легла опять.

А младшая не спала, она шепотом пела песню, которую выбрала для нее мама и, которую она так и не спела вчера на экзамене:

Чудный май, желанный май
Ты отраду сердцу дай.
Голубеющий простор
Ароматом напоён.
Отовсюду песен звон,
Всюду песен перезвон.
Соловьи поют в садах,
Утопающих в цветах.

ХРАНИТЕЛЬ КЛАССНОГО ЖУРНАЛА

Подъехав к студии, они увидели, что арсеньевской машины еще нет на стоянке.

– Давай посидим в машине, не будем выходить пока не приедут.

– Что-то вы, батюшка, Дмитрий Сергеич, некстати нервничаете. Не сорвите передачу, – заметила Ксения.

– Да, Ксюша, я как-то тушуюсь перед духовными лицами. А тут женщина-раввин. Американка! Едва уговорили ее выступать, она вообще-то приехала в Москву как частное лицо и все такое. Не привыкла выступать, чай, не артистка. Будет молчать, как рыба. Согласись, ситуация необычная.

– Постарайся ее разговорить. Ты же обаятельный. И к тому же она из России, уехала уже взрослой, говорит по-русски. А, кстати, как ты ее себе представляешь?

– Ну, такая...

– С бородой, – подсказала Ксения.

– В рясе и с крестом, – закончил Дмитрий.

– Нет, если серьезно.

– Наверное, в возрасте, божий одуванчик, – предположил Дмитрий.

– А, может, конь с яйцами, а не одуванчик. Это же в их духовной иерархии высшее лицо. Надо же дорасти, сделать карьеру, словом, поработать локтями и...

– Ну, Ксения, что ты говоришь! На раввина же надо учиться. По-твоему и медсестра за хорошую работу локтями станет главврачом? Нет, не станет. И бабочка, представь, не станет слоном в результате хорошего питания.

– Дима, смотри! Арсеньев приехал. Сейчас все увидим.

Машина остановилась неподалеку от них. Сначала вышел водитель и, зайдя справа, открыл дверцу и сделал приглашающий жест. Вышедшая из машины женщина была действительно немолода, одета не по сезону в слишком легкое пальто, держалась очень прямо, напоминая походкой гимнастку или балерину.

Пока Арсеньев что-то выгружал из багажника, она, поджидая, стояла в стороне, склонив темноволосую голову к плечу, и двумя руками держа сумку перед собой, как это делают школьницы.

Ведущие вышли из машины и представились.

Когда все расселись, Ксения начала передачу, как обычно, попросив гостью рассказать о себе. С первых же ее слов ведущие переглянулись: у нее был типично петербургский выговор. Ксения сразу вспомнила, как с классом ездила в Ленинград, – так назывался тогда этот город, – и долго потом они с подружкой копировали молоденькую девушку-экскурсовода: м-А-а-сты па-А-висли н-А-д в-А-дАми.

Оказалось, что родилась их сегодняшняя гостья в Ленинграде, окончила филологический факультет и в двадцать восемь лет с семьей уехала в Америку. Потом, много лет спустя стала раввином.

– Значит, – подытожила Ксения, – семья у вас была самая обыкновенная. Не религиозная. Обычная советская семья. Так? Когда же и как вы пришли к вере? Что послужило толчком?

– Толчка, собственно, никакого не было. Меня всегда занимал этот вопрос: как же создавалась наша Вселенная, наша жизнь в этой Вселенной. Кто автор? Знаете, как в сказке, выдь и покажись. Ведь был же, был этот день «...и был вечер и было утро, день один».

– И вы, филолог по профессии, хотели бы больше всего присутствовать при этом дне...

– Это к тому, – перебил Дмитрий, – что мы всегда спрашиваем наших гостей на передаче в какую эпоху они хотели бы жить.

– Да, – продолжала Ксения, – итак, вы бы хотели жить в первый день Творения, а не, скажем, в пушкинскую эпоху.

– Пушкин – наше все! – не удержался Дмитрий, и голосом и выражением лица точно скопировав недавно выступавшего у них пушкиниста.

И гостья хорошо так улыбнулась.

– Я поняла, – продолжала она, – чтобы в чем-то разобраться, нужны особые знания: Тора, Талмуд. И желательно не в переводе.

– И вы выбрали именно эту религию, а не христианство, например.

– Иудаизм – не совсем религия, это, скорее, учение. Если и религия, то не миссионерская. Иудаизм не заинтересован в том, чтобы вербовать новых адептов, насаждать. Скорее, наоборот.

Это христианство вело войны за свою веру. Иудаизм только для тех, кто хочет понять, это как Инструкция, приложенная к нашей Вселенной, написанная не для всех, и потому трудно читаемая, так как нет адекватного языка в нашем мире для обозначения понятий мира Тонкого. Ведь все наши языки были созданы для пользования здесь, на земле, и обозначают земные реалии. Иврит более приспособлен для выражения Тонкого мира.

— И вам понятна теперь эта Инструкция? То есть понятно как надо жить?

— О, это не так просто, надо соблюдать определенные законы...

— ...ничего не делать в субботу? Кстати, почему? — задала вопрос Ксения.

— Некоторые вещи надо делать, не спрашивая. Когда маленькие дети тянутся к розетке выключателя, у нас нет для малыша адекватных слов, чтобы объяснить ему, что такое электричество...

— Да я и не знаю, что это такое по сей день, — вставила Ксения.

— Поэтому мы говорим строго: нельзя. И ребенок понимает. Прими как факт, тебе же будет лучше. Ведь сначала была создана Вселенная, и она может прекрасно функционировать без человека. Вслед за весной приходит лето. И все это без нас. И в эту самодостаточную систему должен вписаться человек. Вот и есть специальные законы для его адаптации в ней.

— То есть, — заметил Дмитрий, — если я вам позвоню в субботу бедный, несчастный, голодный, без денег и попрошу меня встретить где-то, забрать в аэропорту, например, вы этого не сделаете? Не поможете мне в субботу?

— Дело в том, что по Торе человеческая жизнь, здоровье стоят на первом месте. Если обстоятельства, о которых вы мне говорите, представляют угрозу для вашей жизни, то, конечно, я вынуждена приехать. В противном случае...вы же знаете, что я соблюдаю субботу, что для меня это важно, зачем же вести себя неуважительно по отношению ко мне? Искушать? Вы должны справиться сами с такими мелкими бедами в этот день.

— Н-да, — задумчиво отозвался Дмитрий, — а как вы относитесь к Иисусу Христу?

— В христианстве Иисус — мессия. В иудаизме мессия еще только должен прийти. И это мне кажется более убедительным.

— И когда ваш мессия явится, всем иудеям будет хорошо? Ведь вы же избранный народ. А что будет с нами? — Ксения сделала несчастное лицо.

– Насчет избранности... Многие понимают это не совсем...
– Как?! Не избранный?! – Ксения в театральном ужасе округлила глаза.

– Да избранный, избранный, – со смешной интонацией успокоила ее гостя.

– Просто, представьте себе класс, а учителю надо срочно выйти. И он знает, что будет твориться, едва он выйдет за дверь. Он окидывает взглядом класс: Петров! Иди сядь на мое место, следи за порядком и классным журналом. Помни, ты ответственный за журнал и порядок. И Петров, нехотя поднимаясь со словами «чё Петров-то, чё Петров», садится в учительское кресло. И вот тут между Петровым, который еще пять минут назад был как все, и классом возникают особые отношения. Кто-то уже начинает его не любить: дослужился, мол, Петров. Другие жалеть: он же не виноват. Его избрали. И у самого Петрова появляются неожиданные качества – ответственность, подозрительность и даже высокомерие. Словом, отныне он другой. Его выделили. Это, конечно, очень простое объяснение, но так Творец выделил евреев и вручил им Тору. Так родилась нация.

– А мы на земле для счастья или для страдания? – задала Ксения свой главный вопрос.

– Скорее для исправления.

– Что же мы должны исправить?

– Каждый что-то свое. У каждого своя миссия.

– Как это миссия? Миссия есть у всех?

– Нет, только у Пушкина, – вставил Дмитрий, но Ксения так на него посмотрела и, как бы невзначай, нежно ребром ладони провела по своей шее.

– Да, определенно, у всех.

– Какая может быть миссия у обычного человека? Можете привести пример?

– Например, то что у вас совсем плохо получается, это, может быть, и есть ваша миссия. Это не профессия, не навыки какие-то. Например, вы не можете помириться с отцом в течение своей взрослой жизни. Но вы должны.

– А может быть одинаковая миссия у простого человека и у короля? – включился Дмитрий.

– Я думаю, да.

– Пойдите, пойдите, как же так? У короля доблесть, подвиги, вся страна у его ног. А обычный человек... Что у него?

– Но у короля все регалии и почет получены от людей. Там, наверху это никого не интересует. Это как бы разные ведомства – там и здесь. А миссия у них может быть общая, например, простить и помириться с отцом. Из воплощения в воплощение они не могут это сделать. А их профессия не так важна. Главное – выполняют они именно эту миссию или нет.

– Извините, мне надо срочно позвонить отцу, – пошутил Дмитрий.

– А наказание? – задумчиво произнесла Ксения. – Как с этим?

– Опять же, люди наказывают за одно, а Творец – за другое, менее очевидное. За мысли или дурные и даже неосуществленные намерения, например. Мысли – его ведомство. Поступки – наше, земное.

– Как-то все очень странно получается. Делай и не спрашивай. Всему свое время. Вырастешь, Саша, узнаешь. А где свобода воли, милосердие, любовь к ближнему?

– Все это заложено изначально в человеке. Все это нам надлежит проявить. Никто не восстает против законов Вселенной, которые очевидны, правда? Брошенный камень всегда летит вниз. Даже если вы захотите увидеть своего ребенка через четыре месяца после зачатия, у вас ничего не выйдет. Вы должны выждать положенный срок. Эту тайну вы знаете, а многие другие нам недоступны.

После передачи Ксения и Дмитрий ехали вместе. По пятницам Ксения навещала свою мать, и Дмитрий подвозил ее к дому. После того как гостя уехала, было такое ощущение, что что-то важное упустили, не договорили. Ехали молча. Каждый думал о своем. Наконец Ксения нарушила молчание:

Здравствуй, князь ты мой прекрасный
Что ты тих, как день ненастный?
Опечалился чему
Говорит она ему.

Дмитрий молчал. Ксения наклонилась вперед и заглянула ему в лицо.

– Говорит она ему, – повторила она с шутливой угрозой в голосе.

А ему вдруг представился класс. Учителя в классе нет. Невообразимый шум, возня, стрелы летят в очерченный на доске

круг. А у окна с легким холодком неучастия, склонив голову к плечу...

– Дима! Ты что, осторожно! Так и аварию сделать недолго. Ты что не видел эту зеленую машину?

– Прости, я...

– Я еще молодая, жить хочу и, наверное, не исполнила свою миссию. У меня старуха-мать. Да и твои многочисленные Роксаны и Матильды будут тебя оплакивать. Придут на твою могилку кудри наклонять и плакать. Кстати, я всегда хотела тебя спросить: это их настоящие имена?

– ...кудри наклонять и плакать. Как это хорошо сказано. Откуда это?

– Откуда! Классику надо знать.

– ...стоит их сегодняшняя гостья. Он так ясно видел эту картину.

– Да, – закончила Ксения свою длинную речь, которую он не слышал, – неизгладимое впечатление произвела женщина-раввин на нашего ведущего.

– Да нет, какое там впечатление. О чем ты? Конечно, нет.

ТЕОРИЯ ГУМАНИЗМА

Перед самым отъездом в отпуск у Орловых внезапно заболела их любимая собака. Стало ясно, что поездку им придется отложить на неопределенный срок. Теперь профессору и его жене предстояло путешествовать на машине без Орловых, – близких друзей, – но с молодой парой, племянником Орлова и его женой, которых они видели всего один раз, когда три пары совместно разрабатывали маршрут.

Встретились по сути незнакомые люди, которым предстояло провести вместе отпуск. Решили, что первым за руль сядет Артем, племянник Орловых, а затем машину поведет жена профессора. Сам профессор и жена Артема машину не водили. Профессор занял место рядом с водителем, а женщины разместились на задних сиденьях. Едва выехали из города, как погода резко изменилась. Подул сильный ветер, засверкали молнии, на машину обрушился буквально шквал ливня. Дворники не справлялись, стекло моментально сделалось мутным. Дальше двигаться стало невозможно. Артем остановился на обочине, включил сигнальные огни. Надо было выработать план дальнейших действий. Предложение переждать это светопредставление в машине было отвергнуто. Ливень не утихал. Сколько часов им предстоит провести в машине, пока он пройдет, неизвестно. Артем предложил двигаться очень медленно в сторону ближней деревеньки: там летом жила его кузина с маленьким сыном. Задача была нелегкой. Артем достал карту. «Ну, профессор, будете моей путеводной звездой».

«Что вы, что вы, – замахал руками профессор, – это все не ко мне. Я машину не вожу и карту читать не умею. Это к моей жене». Артем передал карту на заднее сиденье. Жена профессора разложила ее у себя на коленях и объявила, что до деревни минут тридцать езды. Въехали в деревню, однако, часа через два, да еще в самой деревне потребовалось около часу, чтобы отыскать дом: спросить было не у кого. Дозвониться кузине тоже не смогли, поэтому застали ее врасплох. Она жила с сынишкой лет шести в небольшом домике: две комнаты, кухня и просторная

веранда. Кузина суежилась и переживала насчет угощения, а они все были счастливы, что попали под крышу дома. Тем временем гостеприимная хозяйка открывала запасы с соленьями и выкатила на огромной сковороде яичницу из пятнадцати яиц. За столом стало весело, уютно.

– А что вы преподаете, профессор? – обратилась с вопросом кузина.

– Преподаю я философию, это в общем, а в частности, теорию гуманизма.

Гуманизм родился в результате эволюции...

Профессор увлекся, потребовал лист бумаги, достал ручку и стал рисовать какие-то схемы. Все склонили головы к его рисунку.

– Вот видите, даже маленький заинтересовался теорией гуманизма, – указывая на мальчика, засмеялся профессор.

– Да нет, он, скорее, заинтересовался вашей ручкой, – объяснила кузина интерес и внимание своего сына.

Ручка у профессора была необычная: когда он писал, на вершине ручки кривлялась и плясала крохотная обезьянка.

– Ах, вот оно что. Так я тебе ее подарю. Вот будем утром уезжать, я тебе ее и оставлю.

Мальчик покраснел и посмотрел на мать. «Подарок принимаем», – улыбнулась она.

Вскоре стали укладываться. Профессор выбрал веранду. Артему и Гале досталась отдельная маленькая комната. Галина уже успела распустить волосы, переодеться в пижаму, когда в дверь постучали. Это была жена профессора.

– Извините, ради бога, – начала она, – но мы не знали, что на веранде нет света, а мой муж хотел бы еще немного поработать. Не могли бы мы совершить обмен?

– Конечно, конечно, – поспешил ответить Артем.

– Спасибо, – жена профессора прикрыла дверь.

– Нет, вы только посмотрите на эту мадам! – Галина с досадой бросала в сумку только что вынутые оттуда вещи, закручивала волосы.

– Но, Галя, что за трудности?

– Не нравится она мне. Профессор... поработать.. а сама просто испугалась спать на веранде. И вот теперь нас туда посылает.

Однако, переселение состоялось. Утром они застали совсем другую картину: ни ветра, ни дождя и даже выглянуло солнце. Все четверо после завтрака дружно отнесли вещи в машину. Жена профессора села за руль. Кузина и мальчик долго махали

им вслед. Добрались до маленького городка Старицы – первая запланированная остановка. Там было много старинных построек, но больше всего хотелось посетить Преображенскую готическую церковь – близнец этой церкви у них в Питере. Целый день они осматривали здешние места, много ходили, взяв длительную экскурсию с прекрасным местным гидом. Вечером поселились в маленькой гостинице в городке.

– Какая замечательная церковь. Вся эта старина так уютна, – заметила жена профессора.

– Да, я с тобой согласен. Я, пожалуй, пока не забыл, запишу кое-какие факты для себя.

Он вынул блокнот и стал записывать. Жена его вдруг резко повернулась к нему:

– А разве ты не оставил эту ручку ребенку? – каким-то сдавленным голосом произнесла она.

– Нет, забыл. Ерунда это. Ты знаешь, что мне особенно понравилось в рассказе...

– Подожди, но ты же обещал, ты обещал ребенку, как же так...

Она вспомнила смущенное и радостное лицо мальчика.

– Я забыл. Что тут особенного? – голос профессора звучал раздраженно.

– Нет, это очень важно. Пойди к Артему, возьми у него адрескузины, извинись и отправь мальчику ручку по почте.

– Что за чушь! – возвысил голос профессор, – я никуда не пойду. Прекрати этот террор! Иди сама!

– Нет, на этот раз пойдешь ты. И все сделаешь сам. Хватит этого теоритического гуманизма и практики эгоизма!

Профессор вышел, хлопнув дверью. Очень скоро он вернулся и швырнул бумажку с адресом:

– Вот! Иди отправляй, если тебе надо. Я не знаю этого города, где у них почта...

– А я знаю? Нет, теперь с этим покончено. Ты обещал. Хватит служить твоему эгоизму. По твоей прихоти я должна тревожить людей, которые уже собрались спать, чтобы неизвестно зачем меняться комнатами. Из-за тебя я бросила журналистику, из-за твоего эгоизма у нас нет детей, из-за...

Она встала и повернулась лицом к окну, чтобы справиться с собой, чтобы не было видно слез.

– Я никуда не пойду, – закричал профессор, – а ты, ты это запомнишь!

Она обернулась на внезапно раздавшийся резкий звук. Это хрустнула под ботинком профессора злополучная ручка. Раздавленная крохотная обезьянка смешно запрыгала на пружине по полу и закатилась под стол.

Утро выдалось прекрасное. Артем и Галя в последний раз оглядели гостиничный номер. Кажется, ничего не забыли.

– Ну, вперед! – Артемий посмотрел на жену, – Нстроение отличное?

– Да, отличное. Единственное, ты знаешь... все-таки, когда касается людей, слушай всегда только меня. Я разбираюсь в людях. Какой человек! Забыл оставить ручку твоему племяннику и сразу пришел за адресом. Представляю, как его мадам была недовольна, что он собирается ее отправить. Все время ты ее защищаешь, а профессора, такого душку, держишь на подозрении. Признай теперь, что был неправ и поклянись, что будешь впредь слушаться только меня!

Артем ласково притянул жену к себе:

– Клянусь впредь во всем, что касается характеров, слушаться моего умного, милого и проницательного психолога.

ПОЕЗДКА В НЕШВИЛЛ

Утром жена объявила, что опять уедет к сестре. Это уже выходило за все рамки приличия. Что он мог сделать? Его осторожные замечания вызывали у нее гнев, переходящий в истерику. Снова и снова приходилось видеть ее слезы, слышать «поток доказательств» срывающимся, охрипшим голосом. Все доводы он знал наизусть: «Я не могу, не могу ее видеть. Не могу видеть моего сына вместе с этой... Не захотел учиться, бренчит на своей гитаре! Этого мало! Не мог найти приличную девушку? Мало девушек в Нью-Йорке? За что нам такое? Приехали, работали день и ночь. Ты стал хирургом, думали и он будет врачом. А он?». «Да, она права тысячу раз. И все же нельзя так. Она же понимает, почему ты уезжаешь всякий раз, когда они хотят приехать к нам...». «Мне плевать, что она там понимает, когда жизнь сломана!». Жена села в машину, нервно закрыла дверцу, но до конца закрыть не удалось, тогда она так хлопнула, что он отпрянул от машины. А она вся в слезах покатила к сестре. Перед отъездом все-таки приготовила обед: жалела сына. И сейчас ему уже в третий раз придется встречать сына с девушкой одному, без матери. Стыдно перед ними. Ненавистный Нешвилл. Он постелил скатерть, расставил тарелки, бокалы. Ощупал щеки. «Надо бы побриться». Стоя перед зеркалом, намылил щеки, побрил одну сторону, потом долго смотрел на себя в зеркало. «Вот если бы он был один, он как-то бы справился со всем этим. Но невыносимо, когда друзья на всех вечеринках рассказывают про успехи своих детей в университетах, у других уже свадьба. И внуки... А их сын ездит со своей гитарой на музыкальные фестивали в Нешвилл, будь этот город неладен. Нигде не учился, а ему уже двадцать четыре, и встречается с чернокожей девушкой. И друзья смотрят на них с женой с сожалением. А некоторые и с неприкрытым злорадством. «Ну что, доктор? Добился высокого положения, а какие огромные деньги ты получаешь... И что? Ты счастлив? Можно ли быть счастливым, когда единственный сын не в порядке. И непримиримость жены». Он вспомнил их прошлый приезд. Приехали веселые, счастливые, даже с подар-

ками. И он один, без жены, пытался придать этому обеду вид семейственности. Он исподтишка вглядывался в лицо Дестини. «Понимает ли она, что чувствует при этом? Имя то у нее какое – Дестини. Судьба. Значит, не уйти».

Он смотрел на себя в зеркало, на одну небритую щеку. «Доктор, ты расист?» – спросил он у своего отражения. Внезапно великий гнев охватил его. Он схватил полотенце и стал стирать мыло с непобритой щеки, со злостью бросил полотенце в раковину. «Расист? Вот так сразу? Он хочет счастья своему сыну. Он хочет, чтобы жена была довольна, а они имели отношения с женой сына, матерью их будущих внуков! Это плохо? Это слишком много просить у жизни своего человека в семью, близкого и приятного?!

Чтобы немного успокоиться перед приездом сына, он вышел в кухню, так и не добрав щеку. Оглядел накрытый стол. Со вздохом опустился на стул. Он чувствовал, что-то не так в его “праведном гневе”. Он хотел понять и внезапно, словно кто-то посторонний вмешался в ход его мыслей. Он вскочил и стал ходить по кухне в сильном волнении. «Ничего не случилось. У них все в порядке! Они вырастили хорошего сына, который обожает музыку, обожает свою работу – учить музыке детей. Он встретил девушку, которую полюбил. Они любят друг друга! Что бы он сказал о Дестини, не будь она девушкой его сына? Какая милая, улыбчивая барышня! Они живут на свои трудовые деньги, не прося помощи у родителей. И приезжают к ним с подарками. А они... ах, как больно, как стыдно за себя, за жену». Он остановился: «Надо срочно позвонить жене. Он ей расскажет. Он ей все объяснит». Он представил лицо сына, когда на заданный вопрос: «Ты что будешь делать в субботу?» Он ответил: Папа, я еду в Нешвилл!». И интонация такая, будто это самое главное в его жизни, эти музыкальные фестивали... И лицо счастливое... А они не поняли. Теперь-то все изменится, он объяснит жене».

Он услышал шум подъезжающей машины. «Приехали. Теперь все пойдет по-другому!». Он вышел их встретить. Но это была машина жены. Она вышла, и ни слова ему не говоря пошла к дому. «Что случилось?» – удивленно спросил он. «Дай мне войти!» – почти крикнула она злобно. В доме она села на диван схватила подушку и, обхватив ее двумя руками, спрятала в нее лицо. «Он не приедет, – запричитала она, – он позвонил

мне, узнал, что я не дома, у сестры, сказал, что будут приезжать, только когда, я буду дома». Она подняла от подушки красное, разгневанное лицо: «Это все она, все она! Ненавижу! Она его научила, отобрала у нас сына. Что делать?! Горе!». Она зарыдала, опять уткнувшись в подушку. Он осторожно присел на диван около нее: «Да, мама, горе, горе нам. Ах, что же делать?».

ВАБИ-САБИ

В этом заснеженном городке она оказалась «из-за непроходимого эгоизма, нелепых прихотей и капризов». Это по его версии. А по ее, – разобраться в себе. Принять мучительное решение.

Городок этот обозначился на карте методом тыка: она сняла с полки старый школьный атлас, закрыла глаза, для верности покрутила его по часовой стрелке и, согнув палец, поставила ноготь в некое место. Два часа лета, затем автобусом по совершенно не знакомым, заснеженным дорогам. Она устроилась в маленькой гостинице, не разбирая постели, легла и сразу уснула. Утром следующего дня, проснувшись и посмотрев в окно, увидела обычный снежный пейзаж, без солнца, но и без ветра, вышла, чтобы отыскать кафе, где можно было поесть. Кафе оказалось совсем близко. У девочки-официантки было такое же белесое, как здешнее небо, лицо, светлые волосы.

Так начался этот день – первый из десяти, которые она решила провести вдалеке от привычной обстановки. День один. Она подумала, что в таких, богом забытых местах, должны иметься два пристанища – парк и прекрасная библиотека. Библиотека ей была не нужна, а вот парк тут же и появился, едва вспомнилось о нем. Она с благодарной радостью пошла бродить по его тропинкам, вдыхая свежесть зимнего воздуха. В парке было совсем безлюдно в это утро буднего дня. Она подобрала большую палку и сбивала ею сосульки с низеньких оград. Внезапно она остановилась: перед ней был необычный куст – с черными ветками, как и все деревья в парке, он был усыпан крупными белыми ягодами. Это было так неожиданно, так красиво, что она не удержалась и сделала несколько фотографий. Захотелось поставить такой букет у себя в номере. Она нагнулась и стала собирать упавшие ветки. В номере, конечно, не было вазы, но, заглянув в шкафчик под раковиной, нашла там плетеную корзинку. Видимо, для мусора. И сразу унылый номер гостиницы ожил: на столе в плетеной корзинке стояли ветки с белыми ягодами.

Она знала, что он обязательно приедет. Но когда? Это в его характере – появляться неожиданно. Ненужность этого визита тяготила ее. «Сняли помещение на триста человек», – вспомнила она его фразу. Триста? А у нее мама, брат и две подруги. Кто же эти триста человек, которые хотят побывать на ее свадьбе?» Она села на кровать и залюбовалась своим букетом. «Это не идеальная красота роз или летнего дерева с густой кроной и плодами. Это другое: изящество, спрятанное в обыденных вещах, не всякому глазу заметное. Простота, безыскусность. Даже полотняные брюки могут быть художественно помяты. Кривое черное дерево изысканно изогнутое на фоне синего неба. Сад камней. Да мало ли... Это то, что японцы называют Ваби-Саби. Вкус к естественной, природной красоте, который преобладает в их культуре».

Она оделась и отправилась в кафе обедать. Обслуживала та же девушка. Всматриваясь в ее лицо, – глаза цвета речной воды, светлые пряди волос, небрежно скрученные в узел, – она думала, как подходит она к белому пейзажу за окном. Какая-то особая гармония во всем этом. Гармония Ваби Саби.

«Да, решение. Надо принять решение». Это уже было в ее жизни. В их семье поступление в другой институт даже не обсуждалось: конечно, она поступает в Технологический. Уже в начале второго курса она поняла, что попала не туда. Ни один предмет не радовал, энтузиазма насчет будущей профессии, о которой часто говорили студенты, она не разделяла. Решение пришло неожиданно. Группа студентов и она в их числе попросила как-то институтского отличника и гения Митрохина осветить непонятные темы. Собрались в аудитории. Митрохин, – маленький, щуплый, – бегал с одного конца доски в другой, исписывая ее химическими формулами. Он вел себя примерно как энтузиаст-затейник на детской елке: «А скажите, ребята...» и «Ну-ка, елочка, зажгись!». «А давайте посмотрим, как поведет себя этот элемент!» – восклицал он с улыбкой и горящими глазами. «Как поведет? – шепотом произнес сокурсник-остроумец, – да как последняя скотина!». Все засмеялись. Митрохин на секунду растерялся, не понимая причину смеха, и опять забегал. Когда непонимание в группе достигло апогея, сидящая рядом с ней студентка вдруг встала и, прижав к груди тонкие руки, почти пропела высоким голосом:

Зачем я здесь?

В ночи и неодета...

Присутствующие захохотали. И она со слезами на глазах смеялась вместе с ними. Вскоре студентка эта покинула стены Технологического института. Говорили, ради музыкальной карьеры. После этого случая и она серьезно задумалась и вынесла себе приговор: не принадлежит. В сентябре она уже была первокурсницей другого института. Как отличались споры-разговоры этих студентов от тех, технологических. Она будто попала в семью, говорящую на родном языке. Здесь спорили о стихосложении, бегали по интересным лекциям, неистово защищали любимого поэта. Как это было ей нужно и близко! Так она стала преподавателем литературы в старших классах. И всегда с ужасом думала, а что, если бы тогда не сделала этого шага.

«Господи, – молила она теперь, – подскажи. Дай знак».

Войдя в свой номер, она сразу почувствовала перемену. И тут же из-за двери вышел он и молча обнял ее. Глядя поверх его плеча, она увидела на столе букет красных гвоздик в зеленой керамической вазе.

– В этой дыре, куда ты забралась, – заговорил он, – даже цветов приличных не найти. С трудом отыскал.

– А ваза откуда? – зачем-то спросила она.

– У портье одолжил, – выделяя в этом слове «о», проговорил он, – то есть у этого дядьки внизу.

Она поискала глазами, и он, перехватив ее взгляд, добавил: «А твою икэбану спрятал с глаз долой».

Обедали в кафе. Обслуживала та же официантка. Она улыбнулась ей как старой знакомой.

«Сняли зал на триста человек...» – опять вспомнила она. И жалость к нему, к матери, ко всем, спрятанная глубоко, вдруг опять зашевелилась.

– Ну, и где наша официантка? – он нетерпеливо перекладывал вилки-ложки с одной стороны на другую, – не запомнил ее физиономии.

– Не запомнил? А, по-моему, она красива. Такая красота особенная. Природная, земная. Как все здесь.

Не слушая ее, он опять заговорил о делах, о том, что ее зимние каникулы кончаются, пора домой. Столько дел перед свадьбой. Хватит уже... Да, конечно, она уже и сама соскучилась по дому и работе. Кончились зимние каникулы.

– Да где же эта твоя официантка неземной красоты?

– Я сказала: земной.

– Пусть придет официантка любой красоты. Есть хочется. Надо же было забраться в такую дыру!

Она смотрела в окно на голые деревья на фоне белесого неба, и то огромное нечто, сотканное из невыносимой жалости, страха и ужаса, казалось непреодолимым. И все же, взлетая душой на высоту губительного рубежа, она произнесла:

– Давай говорить серьезно.

ЗАБОТЫ ОДНОГО ДНЯ

Когда он наконец отошел от рабочего стола, было раннее утро. В последний месяц он забросил все дела, чтобы закончить проект. Босс торопил. И все на него были обижены: Нина – за то, что пришлось отложить свадьбу на неопределенный срок, сестра – что давно просила его позаниматься с племянником, он обещал, но, увы, не выполнил. Друзья, понятно, тоже. Но босс торопил с проектом, и это было самое важное сейчас. После бессонной ночи голова была легкая, тело же тяжелое и непослушное. Он решил пройтись. Было около пяти часов утра, в это время на улице светло и безлюдно. Он свернул в небольшой парк, который находился недалеко от дома. Задумавшись, он не заметил, как тропинка пошла вниз, и, зацепившись ногой за корневидное дерево, он упал и буквально покатился по асфальтовой дорожке. Несколько минут он лежал неподвижно, закрыв глаза и стараясь понять целы ли руки-ноги. Когда наконец он глаза открыл, с ужасом увидел, как огромная лошадь медленным шагом шла прямо на него. Он попытался приподняться, но не смог. Лошадь подошла, и совсем близко от своего лица он увидел ее горячий, утянутый к вискам, египетский глаз, большие ноздри. Лошадь прошла как бы сквозь него, и карета остановилась. Понесся знакомый звук спускаемой подножки, и он в новехоньком мундире со звездой выпрыгнул из кареты и направился к дому. «Главное сейчас, – размышлял он, – это доклад Государю. Сестра, конечно, в обиде на него: просила помочь племяншу, плохо у него с учебой, не годится он в ланкастеры. Но ничего, он все исполнит, дайте сроку. Нина тоже дуется, недовольна его занятостью на службе, как и любая барышня в этой ситуации. Он все наворачстает. Главное сейчас – доклад Государю». Он открыл глаза и, приподнявшись, заметил спешащего к нему молодого человека в джинсах и красной спортивной куртке.

– Вам помочь? – молодой человек наклонился над ним.

– Да, спасибо, вот упал... – проговорил он растерянно.

Сильно болело ушибленное плечо. Он поблагодарил молодого самаритянина и направился к дому.

Проект был сдан в срок. После этого была целая свободная неделя. Она могла стать неделей полного безделья или напротив – отдачи всех его долгов. Но теперь все изменилось: болело плечо, и пришлось посетить доктора. Тот не нашел ничего серьезного. Но главное было не это. Случившееся с ним в парке требовало объяснения. Сознания он не терял. Все происходящее в тот момент было реальностью. Доклад Государю, все заботы того дня были его заботами! Это он, именно он, вышел из кареты, торопясь домой.

Первое, что он сделал – посетил психиатра, рекомендуемого всеми знатоками специалиста. Вразумительного ответа не получил. Всю свободную неделю потратил на психологов, астрологов и магов различных квалификаций. Ответа не было: никто не мог объяснить этот феномен. Прошла бесплодная неделя, но он не мог остановиться в своих исканиях. Босс буквально выпучил глаза, когда он объявил о своем уходе. Свадьба была отложена. Нина назвала его сумасшедшим и на звонки не отвечала. Он рассчитал: денег должно было хватить на месяц. И он пустился в кругосветное путешествие.

Он просиживал часами в библиотеке Сорбонны, искал объяснения у ученых, занимающихся квантовой физикой. Общался и медитировал вместе с монахами-буддистами. У стены плача разговаривал с раввинами и верующими христианами. За один месяц он посетил, как ему казалось, все университеты мира, библиотеки, монастыри, пещеры и святыни. Мнение физиков и верующих, расходясь незначительно, было идентично в своей сути: время неразрывно связано с пространством. Прошлые события не исчезают бесследно в пространстве, но становятся подобием бледной копии, недоступной нашему земному зрению. Но изредка при некотором стечении разных обстоятельств – погодных, личностных – отчетливо проступают. Так, жители одного приморского города частенько наблюдают странное явление: как будто из воздуха возникает старинная крепость, окруженная валом, ходят в доспехах часовые, бегают собаки. Хрономираж – так называют это явление – держится некоторое время и бесследно растворяется в воздухе.

У современного исследователя буддизма Судзуки он прочёл: «В этом духовном мире не существует разграничения времени на прошлое, настоящее и будущее: они сливаются в одном единственном мгновении животрепещущего бытия... Этот момент озарения содержит в себе прошлое и будущее, но не стоит

на месте со всем своим содержимым, а находится в непрестанном движении».

Интересно также замечание Ламы Говинды по поводу медитации в буддизме: «Говоря о пространстве-времени применительно к медитации, мы имеем в виду совершенно самостоятельное измерение... При таком восприятии пространственно-временная последовательность преобразуется в одновременность существования различных вещей бок о бок друг с другом... которое, в свою очередь, тоже не остается неподвижным, но превращается в непрерывный временной континуум, в котором пространство и время сливаются друг с другом».

Все, слушавшие его историю, сходились в одном: видимо, упав и ударившись, он на несколько минут приобрел «другое зрение», увидел то, что по сути никуда и не исчезало, но просто не улавливается нашими приборами – нашим земным зрением. Уникальность здесь в том, что он увидел себя, свое прошлое воплощение и даже соединился с ним на считанные минуты. Вот эта возможность поражала и завораживала! И все же общий приговор был: живите настоящим! Здесь и сейчас – так задумал Создатель.

Лихорадочное его состояние понемногу проходило. Он послал боссу вопрос: «Примите обратно блудного сына?». На оставшиеся деньги на Иерусалимском базаре он выторговал у араба изумительной красоты серьги и браслет в надежде на Нинино прощение.

АСПЕКТЫ ПРОШЕДШЕГО ВРЕМЕНИ

Днем к старику, соседу по палате, приходила дочь. Он был рад ее появлению в больнице: ее лицо было единственно знакомым во всем городе. Она приносила отцу фрукты и, немного помедлив, с неловкой улыбкой часть выкладывала на его столик. Видимо, старик дал ей понять, что его соседа никто не посещает. Еще она приносила отцу чтение: не книги, а напечатанные листы в зеленой папке, каждый раз унося с собой уже прочитанные. Его разбирало любопытство, но спросить старика, что он читает, не решался: тот был неразговорчив. Сам бы он дорого сейчас заплатил за любое чтение, ведь у него с собой ничего не было, даже телефона, который, видимо, выпал в тот момент, когда его сбила машина. Придя немного в себя, он позвонил жене, попросив телефон у медсестры. Он решил скрыть от нее случившееся и объявил, что ему придется задержаться в командировке, телефон же он потерял. Он понимал, что все это звучит странно, но ведь все теперь было странным в его жизни.

Когда его правую руку освободили от повязки, и можно было лечь на бок, он, дождавшись, когда сосед уснет, подгрел к себе листы: старик, прочитав, опускал их на пол возле кровати. От усилий в глазах потемнело, и некоторое время пришлось лежать опять на спине со стиснутыми зубами. Но теперь добыча была в его руках.

Так как начало отсутствовало, он не сразу смог понять, о чем идет речь в этих листках. Но, вчитываясь, решил, что это разбор книги какого-то древнего и, видимо, известного мудреца. Комментировалась и объяснялась заповедь «Не суди». Трактовка автора была непривычной. Казалось бы, все просто: не суди людей, тогда и люди не будут судить тебя. Судить – читать: осуждать. Не осуждай сам и тебя не осудят. Но, не отрицая эту трактовку, автор объяснял более важную составляющую этой заповеди. В момент суда судящий ставит сам себя прямо в фокус Мироздания. Оно как бы говорит: кто этот человек, который возвысил свой голос и собирается судить ближнего? Кто он? Какой суд и кому он намеревается чинить? По какому праву он поставил

себя судьей? А не проверить ли его самого? Даже если гнев его праведный, не за свое дело он взялся. Тот, против кого он затеял суд, получит по справедливости от Высших Сил. У самого же судящего начинается череда неприятностей: осуждая, он нарушил закон. К тому же у каждого есть и собственные прегрешения, которые теперь выходят на свет. Имея хорошее пространственное воображение, ему представилось, как судящий крутится на некоей подставке один на один с Мирозданием, а оно видит его во всех измерениях: плохие поступки, недостойные дела и взаимоотношения и даже мысли о мести.

Затекло плечо, и он осторожно, медленно вернулся в свое обычное положение. Старик все еще спал. «Ах, вот оно что... Не суди. Дело не в других, неприятности идут, независимо от людей... Точно. Неприятности не замедлили. Как в страшном, неправдоподобном сне разворот машины, собственный, застрявший в горле крик. О, он судил! И не судить не мог».

Ремонт в квартире он делал сам. Вернее, делали другие, но полностью по его дизайну. Был у него на это глаз. Друзья даже советовали серьезно заняться дизайном: он имел, как утверждали, безупречный вкус. У него давно чесались руки на переоборудование кухни. Жена была полностью за. Для нее он это и затеял: кухня – ее вотчина. Проект был сложным: если сломать стену из кухни в маленькую и бесполезную комнату рядом, на кухне во всю стену образовывалось огромное окно, выходящее на красивую городскую улицу. Ремонт длился долго, но все же он нанял таких умельцев, которые уложились в назначенный срок. Этот срок он приурочил к их с женой юбилею – двадцать пять лет совместной жизни. Кроме того, ему вскоре предстояла длительная командировка, и они хотели до отъезда отпраздновать юбилей в отремонтированной квартире. Проект переделки кухни жене нравился, хотя у них были небольшие разногласия. Он, по гороскопу принадлежащий стихии воздуха, любил открытые пространства, не занятые мебелью, минимум вещей в квартире, и готов был выбрасывать все, что не годилось в интерьер. Она же расставалась с вещами трудно: это – память, а это может еще пригодиться. Понятное дело: ее стихия – земля.

Ремонтная страда закончилась, результатами были оба довольны. В вечер перед командировкой в новом интерьере устроили романтический ужин. Он купил жене подарок, цветы и сам приготовил еду. Все шло по плану, но в поледний момент позвонил друг с обидой, что еще не видел квартиру после ремон-

та. Они в суматохе забыли его пригласить. Это был его близкий друг, еще со школы. В смешных и остроумных стихах друг поздравил «молодоженов» с окончанием ремонта и началом новой жизни в послеремонтную эру. Как хозяин он был доволен полученными комплементами и даже немного горд собой. Выйдя на кухню за штопором, он залюбовался открывшимся видом: за окном осенний город. Поздний час. В городе зажглись огни. И на этот городской пейзаж наложился фрагмент накрытого стола: ваза с персиками и виноградом, темная бутылка вина. «Натюрморт, – подумал он, – малые голландцы». Открывшаяся панорама завораживала. Он всматривался в широкое окно, открывая все новые детали. Он увидел, как тонкая женская рука потянулась к вазе, покружилась над ней, выбирая фрукт. И тут же другая рука, намного крупнее, легла сверху. Женская рука высободилась и оказалась у лица, с приложенным к губам пальцем – знаком молчания и осторожности. Сердце его замерло, потом бешено застучало. На миг все исчезло: это мужская фигура заслонила собою окно-экран. Он не мог больше смотреть. И смотрел. Он поменял положение, отклоняясь максимально вправо. Сердце громко стучало. Теперь картина на экране изменилась: мужчина стоял позади стула, на котором сидела женщина. Руки его касались плеч женщины. Ее голова была запрокинута и губы вытянуты как для поцелуя.

Он оперся руками о раковину, открыл кран, пригоршнями кидая холодную воду себе в лицо. Надо было возвращаться, но тело не слушалось. Сознание же работало четко... Около шести лет назад... странная история с дачей. Внезапный звонок от соседки по даче, никогда не звонившей. Срочно... крыша, град. Он болел, лежал с высокой температурой. Поехала жена. Он смог приехать только через пару дней. Крыша была в порядке. Все было странно. Тогда, видно, и началось. А, может, и раньше... Он вспомнил вечно жалующуюся подругу жены, которой постоянно нужна помощь.. Потерянные ключи, странные звонки, забытые билеты... А он был слеп. Но как она могла,... как он мог?! Как жалок он теперь со своим ремонтом, со своей гордостью. Он все еще стоял, упершись руками в раковину. Казалось, что стук сердца слышен во всей квартире. Еще казалось, что прошло много времени. Надо было возвращаться. Он вытер лицо, пригладил волосы. В комнату входил совсем другой человек, который с утра уедет в длительную командировку, но пока ему предстоит провести вечер с двумя незнакомцами.

ПРИБЫТИЕ ПОЕЗДА НА ВОКЗАЛ ЛА-СЬОТА

Ее бабушка всегда говорила, что внезапно свалившиеся на нас неприятности вовсе не внезапны, а всего лишь сумма наших неправильных поступков и плохих намерений. И напротив, удача – это совокупность наших хороших намерений и поступков. Когда те или другие наши дела достигают своей критической массы, у нас и случается радость или горе. Она вспомнила об этом, когда Мила, лучшая подруга, предложила переехать к ней на две недели, пока родители в отпуске. Видимо, она накопила много хороших дел, раз поступило такое лестное предложение. «Будешь мне готовить по утрам яйца всмятку. Я ведь ничего не умею. Будем вместе ездить в институт, представляешь? И, может, наконец, ты познакомишь меня со своим Гуткиным, пока не дала ему полную отставку». Расставаться с Гуткиным она не собиралась, хотя держала его в неопределенном статусе: друг, поклонник, но точно не жених. Как можно добровольно расстаться с таким умным и уютным человеком? В эту, почти дотелефонную эру, Гуткин появлялся всегда неожиданно в их сумашедшей квартире. Заглянув даже на полчаса, располагался так, словно пришел «навсегда поселиться»: снимал и вешал на спинку стула пиджак, вынимал из карманов содержимое и клал на стол. Успевал сделать комплемент сестре, бледной, невыспавшейся и злой, и вызвать у нее улыбку; выслушать материнский рецепт «полезного салата», пожать руку мужу сестры и даже покатасть машинку с двухлетним племянником. Гуткин помнил все имена, дни рождения и кто-кем – кому приходится. И вообще всегда все помнил. «Да, – размышляла она, – помощь сестре для нее естественна, она обожает племянника и не ждет никакой благодарности за это ни от сестры, ни от судьбы». Но, – как говорила бабушка, – это не имеет значения: все усилия будут оплачены в свой срок. Немножко мучили угрызения совести, что на две недели оставляет беременную сестру без помощи с двухлетним малышом. Но отказаться от предложения Милы не могла. У Милы дома был истинный рай с телефоном. А главное – блаженная тишина. В первый же вечер она позвонила Гуткину, и

он тут же примчался с вином и конфетами. После его ухода Мила вынесла приговор: нет, нет, он не для тебя. По ее теории, есть люди заботящиеся и есть те, о которых заботятся. «Вы, кажется, одной породы: заботящихся. Не пара».

Хорошо им жилось в эти дни, но все же на один вечер из двух недель она должна была покинуть пределы рая: дома было семейное торжество. Увидев все свое семейство в сборе, она поняла, как соскучилась по дому, особенно по маленькому племяннику. И решила остаться еще на один день, известив Милу об этом. К вечеру следующего дня она опять появилась в тихой гавани Милиной квартиры. Мила встретила ее расстроенная, хмурая. И рассказала... В вечер ее отсутствия звонил Гуткин, «я его просила не приезжать, так как тебя не будет. Но он приехал...». После этих слов Мила долго молчала, а у нее внутри все оборвалось, в горле застрял ком.

«Он что...» – и не договорила, потому что еще не знала, как это обозначить. Мила произнесла коротко: «Да». И затем: «Прости, но я его выгнала. Прости... и не верь ему». «Мила, ты все сделала правильно!» – заверила она, но в том месте, где хранятся чувства и эмоции, образовалась болевая точка. Неоцененный Гуткин вдруг стал расти в ее глазах, и теперь его потеря казалась катастрофой. Это было первое предательство в ее жизни. Значит, так бывает? Так откровенно, грубо и жестоко. Она решила, что будет выше объяснений и просто объявила, что между ними все кончено. Он пытался возражать, звонил и просил выслушать, но она была непреклонна.

Прошло немного времени, и жизнь вокруг стала меняться. Начались отъезды, свадьбы чуть не каждую неделю, рождение детей. От общих знакомых она узнала, что Гуткин уехал в Америку. Почти одновременно она и Мила вышли замуж. У нее родилась дочь. Мила иметь детей не захотела. Вскоре сестра с мужем уехали жить в академический городок. Родители последовали за сестрой. А она осталась в той же квартире, где родилась и выросла. В этой же квартире выросла ее дочь. Родителей и сестру она навещала часто, а вот теперь отправила к ним мужа с дочерью. Каждый раз перед полетом ее охватывала паника. Но все-таки, когда летишь сама – это одно, но вот муж и дочь..

Она ходила по квартире, не находя себе места, разболелась голова. Наконец, они позвонили, и дочь напомнила, что ей уже двадцать один и нечего за нее так переживать. Да, конечно. Но паническое состояние не оставляло ее. Она искала и не находила

«что-нибудь от головы». Решила позвонить Миле, немного пожаловаться. Но ее телефон молчал. Она подумала с улыбкой, что у Милы есть редкая способность исчезать в тот момент, когда она особенно нужна. Но тут зазвонил телефон. «А вот и Мила. Напрасно я ее упрекаю». Но это была не Мила. Незнакомый мужской голос осведомился о ее делах и предложил встретиться. Она уже хотела с досадой прекратить разговор, как вдруг почувствовала знакомые интонации.

– Гуткин? – неуверенно произнесла она.

– Узнала? Надо же! Отлично. Вас можно навестить, мадам?

– Но ты же был в Америке... – глупо произнесла она.

– Самолеты все еще летают.

– Ты знаешь, немного не вовремя. У меня страшная головная боль. Муж и дочь уехали к родителям.

– Муж уехал?! Я ждал этого почти тридцать лет.

И, не слушая ее возражений, заявил, что скоро будет. Она не знала, что надо делать в таких случаях. Но если человек видел тебя последний раз в двадцать лет, что могут изменить тушь и помада? И она так и просидела на диване, пока ни раздался звонок в дверь. На пороге стоял незнакомый человек спортивного вида в элегантном пальто. С дорожной сумкой. Он прошел в комнату, снял и повесил пальто, выложил на стол бумажник, зажигалку.

– Ты совсем не изменилась, – сообщил он, – вот лекарство. Выпей. Я сейчас принесу воды.

– Подожди, Гуткин..

– Ну что ты так растерялась, глупая. Ну, не виделась. Ну, был кудрявый и толстый, а стал худой и лысый. Велика разница! Садись. Отдыхай. Я приготовлю ужин, а потом будем говорить, говорить. Я должен быть в аэропорту через два часа. Всю неделю был с родителями, никуда не выходил.

Он скрылся в кухне. Она сидела обалдевшая от происходящего, но постепенно ей передался его настрой. В самом деле, приехал старый знакомый.

– Гуткин, как ты там? Все нашел? – крикнула она в сторону кухни.

Он появился в дверях в ее переднике:

– Ну как твоя голова?

– Знаешь, ты принес волшебное средство! По-моему, проходит.

Он опять скрылся в кухне, а она отметила, что раньше ее передник даже не завязался бы на нем, а теперь тесемки, обхватив талию, вернулись и завязались на животе. Гуткин быстро приготовил потрясающе простое блюдо под названием “крок мсье” и салат. Они сели за стол. Неловкость от встречи как-то быстро улетучилась, как и головная боль. Они обсуждали общих знакомых.

– Я заметил у тебя на кухне на стене старую фотографию, еще наших времен. Ты там со своей подругой. Забыл ее имя. Подожди, не говори, я вспомню.

Он немного помолчал.

– Мила? Так?

– Гуткин, у тебя всегда была феноменальная память! С другой стороны, еще бы тебе ее не помнить...

– Да, я помню. Дела давно минувших дней, конечно, но все же урок я получил на всю жизнь. Такие молодые, но такие коварные девицы вы были.

– Коварные? Мы? Что ты мелешь, Гуткин? Не ты ли... Нет, я отказываю тебе в феноменальной памяти. Ты забыл, что тогда произошло.

– Отчего же? Я прекрасно все помню. Ты жила тогда у подруги. У этой Милы. Однажды я позвонил, но тебя не было. Мила сказала, что ты вот-вот будешь. Приезжай. Я приехал, но ты так и не появилась.

Он замялся и посмотрел на нее виновато:

– Это вам, барышням, естественно отбиваться от домогательств, а нам как-то не пристало... Я сообразил, что таким образом вы договорились о передаче меня Миле, ведь ты меня не очень жаловала и мои чувства не щадила. А подруге твоей я, вроде, пришелся... Вот вы и подстроили. Ну, а после ты очень артистично «негодовала»...

– Господи! Прямо Рассемон какой-то! Все было не так. Как ты мог подумать?!

– Да, не так... вся моя жизнь с того момента пошла не так... А, знаешь, – Гуткин явно переводил разговор на другое, – история, похожая на Рассемон, когда все очевидцы излагают одно и то же событие по-разному, произошла после показа первого игрового фильма в кинотеатре. Как известно, это был фильм братьев Люмьер «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота». Когда поезд в натуральную величину с экрана стал надвигаться в зал, зрители замерли от ужаса, вцепившись в кресла. Дамам становилось

дурно, – говорили очевидцы. Вцепились в кресла? – возражали другие, – да в одну минуту зал просто опустел: зрители в панике разбежались! Игровой фильм? – недоумевали одни, – где же, простите, актеры? Как же, – отвечали другие, – люди на перроне – все актеры. Актеры? Люди на перроне – родственники и друзья Люмберов, ведь у них в Ла-Сьота было родовое имение. И еще много, много разных толков. Тебе налить еще вина?

Она почти не слушала историю Гуткина про прибытие поезда. Все это время она пыталась вспомнить те далекие дни, сопоставить факты и детали. Понять. Иногда она перебивала его восклицанием: «А как же она тогда...». И вдруг умолкала.

ОДИНОЧЕСТВО, ОСТРОВ

В это утро он встал раньше обыкновенного. Прежде чем выйти на террасу, на цыпочках прошел мимо гостевой комнаты. За дверью было тихо. «Спит, – подумал он, – так буднично, так странно. Он ждал этого, не признаваясь себе, столько лет. И вот так просто... Спит».

Еще бы. Такой длинный путь она проделала, чтобы попасть к нему на остров. К тому же вчера засиделись допоздна. Сначала разговор никак не получался, вертясь вокруг ее перелета. Еще часто повторяли, что вот он не изменил островной жизни. Повисали долгие паузы, во время которых он чувствовал неловкость, а для нее, как ему казалось, молчание, устремленный в даль взгляд были неотъемлемой частью нынешнего строя ее души.

Действительно, ему всегда казалось, что жизнь на острове чем-то полнее жизни в больших городах. Правда, место его проживания – круглый, зеленый остров с теплым океаном, с домом, терраса которого нависала прямо над этим океаном, – сильно отличалось от того, где прошло их детство. Тот остров рыбой – ставридой или сельдью – плыл к материку, да так и застыл, не доплыв. Остров с сопками, буранами, заносами – дорогой для них обоих. Разговор не сразу стал таким, каким представлялся ему все эти годы. Она выглядела грустной, и эта грусть не была мимолетна: это был уже окончательный вариант ее лица, на котором печальный опыт жизни.

Уже под вечер пили чай. Океан в этот час залили мелкие зеленые огоньки. Он поставил на стол конфеты, купленные в честь ее приезда, и она, впервые за вечер улыбнувшись, кивнула на коробку, – «Материковские?». И вот тогда полились воспоминания.

Все, что привозилось или присылалось к ним на остров с материка, было, по мнению островитян, лучшее, потому что «материковское». Конфеты «Маска», к примеру. К Новому году родственники присылали таких конфет полную коробку из-под чешской обуви. Приятно было запустить в неё руки и поднять вверх золотой ворох – конфеты были в желтых фантиках, – что-

бы они упали обратно и опять подгрести руки под самое дно. Вот радость! Вот богатство! И тут, на террасе, спустя сорок лет после детства они впервые признались друг другу, что обоим на вкус гораздо больше нравились местные «Крем-какао», продававшиеся в ларьке по дороге в школу. И дорогой, тяжелый материковский «Золотой якорь» был ими развенчан, отойдя на второй план по сравнению с вожделенным «Шоколадом с вафельной крупкой», на который долго-предолго копили. А корейские пирожки пинсэ... или пенсэ ты помнишь? Еще бы! Но как правильно произносить это слово никто не знал. «Это оттого, что мы никогда не видели его написанным, — заметила она, — только слышали от корейцев, их продававших». А сикша или сикса? И опять же: название этой ягоды, растущей только на их острове, никто никогда не слышал.

Украдкой он всматривался в ее лицо, пытаясь представить, как она жила все эти годы. Почему-то в своих воспоминаниях он видел ее не восемнадцатилетней, когда она навсегда уехала с острова, и они виделись в последний раз, а совсем маленькой, лет пяти. Вот она с серьезным видом вкатывает в шумную комнату, полную гостей, игрушечную коляску. Их матери — близкие подруги — устраивали вечеринки совместно то в одном доме, то в другом. Кто-то из гостей обязательно спрашивал: «А кто же у тебя там в коляске?». «Моя дочка», — отвечала она серьезно. И другой, уже слегка навеселе: «А где же папа твоей доченьки?». «Наш папа, — отвечала она, не задумываясь, — далеко-далеко. Он здесь не живет. Он плохой. Но я его все равно люблю». И тут же, всплескивая руками, вскакивала с места молодая женщина, ее мать, восклицая: «Господи, откуда она это берет?».

В восемнадцать лет она покинула остров, уехав в столицу. Очень скоро у них в доме появилась ее мать со свадебной фотографией, объявив, что дочь вышла замуж. По большой взаимной любви. «Понимаешь, по большой любви!» — вторила подруге его мать, глядя на него со значением: мол, оставь надежду навсегда. Он дождался, когда мать уйдет к себе, достал фотографию и долго всматривался в лицо жениха — изящного блондина с тонкими усиками. На лицо рядом, светящееся неземным счастьем, он даже боялся взглянуть. И уже тогда, несмотря на юность и свадебную улыбку, разглядел в лице жениха... порок, лживость, цинизм? Он точно не знал, как определить то, что позднее определила сама жизнь. Потом в телефонных разговорах со своей матерью три десятилетия подряд с болью в сердце выслушивал

одно и то же, всё одно и то же: ушел с другой, ушел к другой, жестокость, маленькая дочка страдает, возвращается... она принимает, уехал с другой, дочь, уже взрослая, его не признает, ушел, кажется навсегда, она болеет, страдает...

Он ходил по террасе, не зная что предпринять. Его гостя все еще спала, значит, готовить завтрак рано. Он вытащил тостер. Нарвал свежих лимонов. Наполнил водой кофейник. Что еще? Яйца для омлета, сыр. И тут в дверях появилась она. «Как спалось?» – улыбнулся он. «Как же тут у тебя чудесно. На твоём острове». Она остановилась, всматриваясь в синеющую полосу океана. «Боже, как красиво». И он знал, что она живет вот этой минутой красоты, ощущает, и это совсем не так, как другие его гости, которые спешат запечатлеть, даже не прочувствовав. Слово-то какое придумали нехорошее, торопливое – сфоткать. Она не фотографировала, хотя ее телефон лежал рядом: она ждала звонка от дочери.

Дзынь – это выскочили готовые тосты. Он намазывал на них свежее масло. «Из тостера изъятый хлеб изгнания...» – продекламировала она, следя за его движениями. И он, счастливый от ее присутствия, и от того, что она тоже это знает, подхватил: «...у моря над тарелкой макарон дней скоротать остаток по-латински...».

Теперь их беседа была совсем непринужденной. Как много оказалось вещей, понятных только им, несмотря на все эти годы, прожитые врозь. Он наблюдал за все еще грустным ее лицом, пытаясь вызвать улыбку.

Зазвонил ее телефон. Мельком бросив взгляд на экран, он увидел имя человека, которого, не подозревая сам, бесполезно и яростно ненавидел все эти годы. И стрелка его судьбы, которая заматалась в надежде с той самой минуты, когда незнакомая девушка, оказавшаяся ее дочерью, позвонила ему, умоляя позвать мать в гости к нему на остров. «Я за нее боюсь... отец... он страшный человек... у вас она придет в себя... много рассказывала... вы же друзья детства». Стрелка эта, дернувшись последний раз, застыла на отметке: Одиночество – остров. С потемневшим лицом он повернулся к ней: «Тебе звонят. Мне выйти?». Она подняла на него вдруг ожившие, сияющие глаза: «Да, будь добр. Это мой муж звонит».

ЗЕЛЕНАЯ ТРАВА ДРУГОЙ ЖИЗНИ

Пляжный сезон еще не начался, но природа, не считаясь с официозом, открыла его сама. Дни стояли солнечные, жаркие. Сидя за столиком ресторана в маленьком отеле, где провел несколько томительных дней в ожидании Адель, он наблюдал за тем, как сам хозяин на пару с официантом вытаскивает на террасу столы и стулья. И тут же появились эти две девушки из отеля. Чтобы отвлечь себя от мыслей об Адели, он исподтишка наблюдал за ними. Нет, они не были так некрасивы, как показалось ему в первую встречу. Дело было в другом. Девушки были на удивление безвкусно одеты. Одинаковые серые, старомодные юбки, выцветшие кофточки. «Кто они? Может быть, актрисы, готовящиеся сыграть роли, где действие происходит в пятидесятые? Сестры? Мать и дочь?». Он внутренне улыбнулся своим рассуждениям насчет матери-дочери: одной на вид было лет двадцать, другой около тридцати. Рядом с ним на столике лежал телефон, превратившийся за эту неделю в ненужный кусок пластика, который хотелось зашвырнуть далеко-далеко. Или растоптать. «Где ты, Аделина? Почему молчишь? Я сообщил тебе, где буду. Я сделал все. И теперь... жду ль чего? Жалею ли о чем? И жду. И жалею». Даже здесь, в этом солнечном раю, он ощущал жгучую, лютую ненависть к себе ее матери. Адель еще молода, и ее мать сделает все, чтобы они не были вместе.

Задолго до поездки в этот рай он постоянно мучительно думал об этом, и, как часто бывает в отчаянии, обратился к Невидимым Силам. Нет, к вере он не пришел. Ресурса веры не было в его душе. Но он все чаще затевал беседы о Высших Силах со своим другом, коллегой-физиком. И даже друг, большой скептик, признавал: что-то, безусловно, есть. Но тут же напоминал, что «наука для доказательств опирается на эксперимент. А какой может быть эксперимент в нематериальном мире?». «Все это так, — соглашался он, — и все же... надо найти путь контакта с ними».

Дальнейшими своими размышлениями он решил не делиться даже с другом: еще сочтет, что он не в себе. Ход его мыслей был такой: данные нам природой приборы — глаза, уши, руки

– рассчитаны на восприятие нашего материального мира. И все же для восприятия духовного мира у нас имеется прибор – это наша душа. Но для контакта с Высшими Силами душа должна быть абсолютно чиста – подобное притягивает подобное. И, если очистить собственную душу... Идея этого эксперимента завладела им. В конце концов он ничего не теряет, пускаясь в этот ненаучный эксперимент. И он начал трудиться. Как вытряхивают из шкафа ненужные вещи, он избавлялся от злобы, обид, неприязни. Мысленно просил у всех прощения и прощал сам. Он-то знал сколько горя он принес своим близким. Ежедневно, не отступая от замысла, работал. Примерно через год на работе руководитель той группы, в которую он тщетно стремился попасть, взял его к себе. Конечно, это было совпадение, он это понимал. И все же подумал не без иронии, что, может, для этого лучшего человека, каким он стал за последнее время, у Высших Сил и сценарий жизни получше. Но как вернуть Адель? Такого механизма у него не было. И, если теперь на любой свой вопрос, он получал ответ в виде случайной фразы, попавшейся на глаза нужной статьи, то об Адели Высшие Силы молчали.

В это солнечное утро он решил прогуляться до дальней бухты. Шел по берегу с подобранной по пути палкой, оставляя длинный прочерченный след. Дошел до бухточки и, закатав брюки, по воде обошел выступ и тут же повернул обратно: там, за грядой камней, загорали эти девушки из отеля. И даже беглого взгляда было достаточно, чтобы понять, что загорают они не в купальниках, а в коротких, темных балахонах. «Какие странные». Теперь, вспомнив их с женой старую шутку, он мысленно называл их «двоюродные сестры».

Давно это было. Они с женой и еще одной парой тоже отдыхали на море. Его жена – стройная, смешливая, даже немного озорная была противоположностью своей подруги – полной и томной. Для подруг было большим удовольствием и развлечением поход на рынок. И каждый раз по дороге их останавливал местный фотограф-кавказец, предлагая сфотографироваться «со своей двоюродной сестрой». Жена с подругой переглядывались и хохотали: почему с сестрой, да еще и двоюродной? Но вскоре жена нашла объяснение: фотограф и предположить не может, что они, ежедневно проводящие время вместе, – не родственники. Так крепки на Кавказе семейные узы. А раз так, мы – сестры. Но вот загвоздка – уж очень непохожи! И, не отменяя

наше сестринство, решает – двоюродные! Потом жена показала ему этого кавказца. Тот схватил его за руку: «Это твоя жена? Да. А дети у вас есть? Есть. Сколько? Один ребенок». «Вах, – огорчился фотограф, – почему такую красивую женщину под одного ребенка занимаешь?!».

Вот такая ментальность у южных мужчин. Эх, хоть шутки остались от того времени.

Днем он опять сидел за столиком на террасе, с горечью поглядывая на свой телефон. Девушки тоже обедали неподалеку. Видимо, недавно вернулись из дальней бухты. Он поклонился им, обе смущенно заулыбались. Он подумал о том, что пора уезжать. К глазам сразу подступили слезы: эксперимент, задуманный ради возвращения Адели, не удался. А побочный эффект – те блага, которые он получил, его не интересовали. Подошел официант и подлил ему кофе. В его надраенном до блеска кофейнике скрестилась зелено-голубая высь, розовые глицинии, песчаная дорожка. Он вскочил, опрокинув чашку с кофе, оттолкнул стул и, не подняв, бросился вниз по ступенькам террасы: по песчаной дорожке как абсолютно нереальная явь в кисейной блузочке и шортах беспечно шагала Адель.

– К нашему соседу, кажется, приехала жена, – глядя на них сказала девушка помоложе, – или любовница.

– Непохоже, – отозвалась старшая, – слишком молода для него. Ему на вид не меньше сорока пяти.

– Любовница и должна быть молодой, иначе какой смысл. И потом, богатый мужчина не бывает старым.

– Откуда у тебя все эти познания?

– Читала. Готовилась.

Обе весело рассмеялись.

На следующее утро он, свежевыбритый, в новой гавайской рубашке, которую считал «глупой», но все-таки купил на пляже, чтобы посмешить Аделю, подошел к стойке. Хозяин, увидев его, улыбнулся:

– К вам приехали...

Он отметил про себя, как эти подданные Страны Сервиса умеют составлять фразы, обходя острые углы.

– К вам приехали, – повторил хозяин, – а монахини наши уехали.

– Эти девушки – монахини? – изумился он.

– Да, монашки из соседнего монастыря. Но теперь можно сказать – бывшие. Решили уйти из монастыря, выйти замуж, обзавестись семьями. Словом, жить как все. Видимо, показалось, что за забором монастыря трава зеленее. Это было их первое самостоятельное появление «в миру».

– Вот как, – произнес он и не в силах удержать ликующую радость, выдохнул:

– А ко мне приехала дочь.

ЭПИЗОД

Выйдя из душного офиса, где более двух часов шло совещание, ему захотелось пройтись. Погода стояла райская. Первые майские деньки. Пройдя совсем немного, он почувствовал, что новые туфли ему жмут. «А ведь такие дорогушие. В машине это было незаметно. Это оттого, что я мало хожу пешком. Все в машине да в машине». Он прошел еще немного и остановился у музея. Музей был закрыт, и он, поднявшись по широким ступеням, присел на каменный выступ. С удовольствием скинул туфли, развязал галстук и сунул его в карман. Затем расстегнул ворот рубашки и тогда почувствовал полное блаженство. Неподалеку на ступенях сидел парень лет двадцати в перемазанных краской, драных джинсах и ел бутерброд, наполовину завернутый в бумагу. Жевал он как-то нервно и все время хмурился. Лениво наблюдая за парнем, он подумал, что в такой прекрасный майский день парень этот представляет собой абсолютную противоположность ему самому, его благодушному настроению. Доев бутерброд, парень резко встал, огляделся в поисках урны и, не найдя, быстро сбежал по ступеням вниз. Оставшись один, он вытянул ноги и подставил лицо уже зашедшему к этому времени солнцу. Но наслаждаться ему пришлось недолго. Внезапно дверь музея отворилась, и вышли три девушки, видимо, работницы музея. Он быстро подтянул ноги и стал наблюдать за ними. Это было забавное зрелище. Образовав небольшой кружок, они выгнули спины почти параллельно полу и, вытянув губы трубочкой, разом чмокнули воздух. После этого девушки дружно рассмеялись. Похоже, это был их ежедневный ритуал прощания. После этого две спустились по ступеням, а третья осталась стоять наверху. Уже в самом низу они обернулись и послали подруге воздушный поцелуй, прокричав при этом: «Еще раз поздравляем!». Оставшаяся наверху улыбнулась и помахала им рукой. Как только подруги исчезли, улыбка сошла с ее лица, и оно приняло тревожное выражение. Пока он наблюдал за изменениями в ее лице, парень, что недавно сидел здесь с бутербродом, оказался рядом с девушкой и сел на ступени. Она же осталась стоять

около него. С возрастающим любопытством он следил за этой парой. Какое-то время они молчали. Парень сидел, а девушка стояла, нервно теребя ремешок повешенной через плечо сумки. Наконец она произнесла виновато:

– Наверное, сегодня не получится...

Парень поднял голову и окинул ее гневным взглядом:

– Что не получится?

– Ну, побег, – пролепетала она тихо, – наш с тобой побег... в Воронеж.

– Почему не получится?

– Я не взяла вещи. Ну и паспорт...

– Паспорт? – парень в ярости вскочил и забегал вдоль длинной ступени:

– Для побега тебе нужен паспорт? И ты об этом думала? О, господи! Ну и иди, иди тогда к своему бизнесмену!

– Он не бизнесмен.

– Неужели? – тон парня стал язвительным, – и сколько же таких не-бизнесменов было позавчера на твоей свадьбе?

Вопрос парня остался без ответа. Теперь они оба долго молчали, и ему стало немного неловко так пристально на них смотреть, хотя они не обращали на него никакого внимания. Имитируя поглощенность своими делами, он достал телефон и прочел текст, присланный ему женой минуту назад: «Конечно, пройдишь. Ты так мало бываешь на свежем воздухе. Это полезно.

И все же поторопись. У нас хорошая новость: пришел образец кафеля! И цвет точно, как ты хотел: такой золотистый!». Он сунул телефон в карман. Домой идти не хотелось. Он снова стал наблюдать. Парень первым прервал это долгое молчание, и в его голосе теперь слышались ноты беспомощного отчаяния:

– А знаешь что... верни мне все мои картины! Я писал их не для тебя, а для той... для той, которой ты была. А теперь...

Девушка медлила с ответом.

– Я верну, – выговорила она наконец с трудом.

– Верну? Вернешь? – парень опять забегал вдоль ступени, – значит, мои картины для тебя ничего не значат?! Да?! Ничего совсем не значат! Как ты могла, как могла...

Искоса взглянув на девушку, он почувствовал жалость к ней, такой у нее был несчастный и убитый вид. Надолго повисла пауза.

– Наверное, мне пора, – произнесла она наконец тихо и нерешительно, все также теребя ремешок сумки.

Он смотрел им вслед. Какое-то время они шли молча рядом, потом парень резко свернул в переулок.

Он тоже поднялся. Домой идти не хотелось. Он намеренно пошел в другую от дома сторону. «Конечно, размышлял он, — ни в какой Воронеж она с ним не побежит. Останется со своим не-бизнесменом. И все у них будет. Все. И со временем даже золотистый кафель. Все предсказуемо». При этом какое-то постороннее чувство мучительно поднималось в нем. «Вот этот паренек в драных джинсах с его несчастливой любовью... Его судьбу предсказать невозможно. Если бы быть на его месте... На его месте? Но зачем?» До конца додумывать эту мысль было не по себе. Он всегда считал себя везучим. А, может, он что-то не дополучил в жизни? Пропустил?

Что-то щемящее, незнакомое поселилось в нем. Что это? Когда-то он любил стихи, знал много наизусть. Вот бы вспомнить. Как же там...

Из полутемной залы вдруг
Ты выскользнула в легкой шали
Мы никому не помешали
Мы не будили спящих слуг

И еще какие-то были. Он все забыл. Нет, вспомнил, вот это:

И падали два башмачка
Со стуком на пол.
И воск слезами с ночника
На платье капал

Домой идти не хотелось. Он все шел, и какое-то время что-то крича, за ним бежали мальчишки, а догнав, вручили ему собственный его галстук, который при ходьбе, видимо, выпал из кармана брюк.